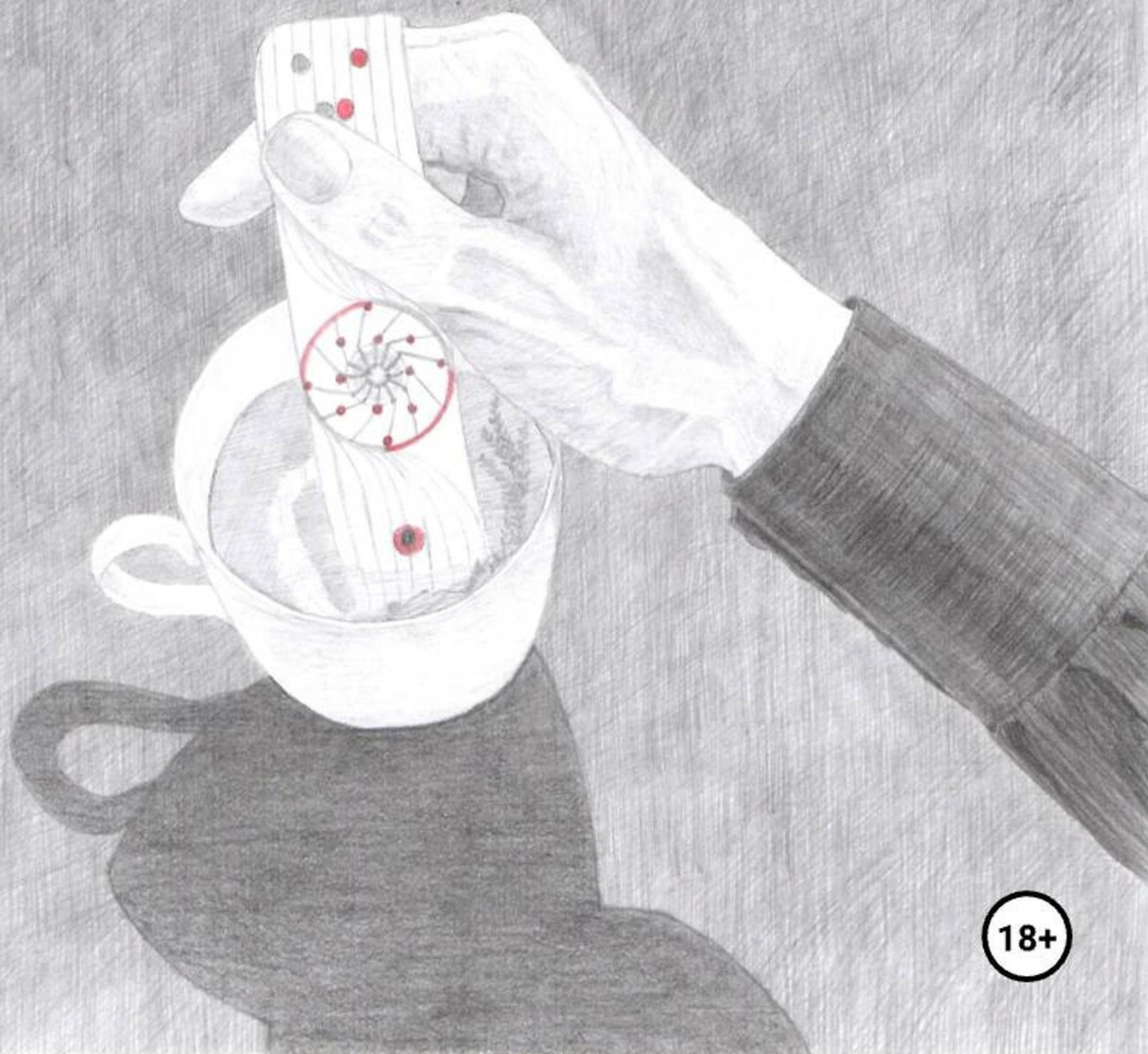

Евгения Горевалова

Оберег для музыканта. Книга первая: Оберег

18+

Евгения Горевалова

**Оберег для музыканта.
Книга первая: Оберег**

«Автор»

2026

Горевалова Е.

Оберег для музыканта. Книга первая: Оберег / Е. Горевалова — «Автор», 2026

В мире, где живёт Альвери, можно колдовать с помощью охранителей. Правда, юноша об этом не знает и просто сочиняет музыку в своё удовольствие. Однажды он падает с моста в реку и после этого внезапно становится равнодушен к музыке. Он готовится стать юристом, как отец. Неожиданно Альвери узнаёт, что когда-то потерял своего музыкального охранителя, и именно поэтому не может больше сочинять. Теперь музыка, которая осталась внутри, может свести его с ума. Но так ли просто найти подходящего охранителя в мире, где почти никто не колдует, и стоит ли вообще это делать?

© Горевалова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	45
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгения Горевалова

Оберег для музыканта.

Книга первая: Оберег

Глава 1

Реюмир, день Колдовства и магии, год 3754

Альвери сидел за фортепиано и ненавидел свою музыку. Вернее, то, что от неё осталось. Пока он её придумывал, она трепетала волной внутри, омывая теплом позвоночник. Росла, словно желая вознести его над всем миром. Струилась из-под пальцев. Хватала холодом лёгкие. Поднимала мурашками волосы. Но когда Альвери пытался ухватить её, заключить в кружочки нот и втиснуть в партитуру, музыка растекалась тусклыми лужицами и замирала на бумаге.

Мальчик бежал к учителю, чтобы тот вернул ему ту самую музыку, которую он слышал, – но тот лишь находил ошибки. Альвери старался всё исправить по указке маэстро, но мелодия, хоть и становилась красивее, отдалялась ещё сильнее. Альвери искал в партитуре свои волны и потоки, но видел только узор нот – плоский и скучный, как галька на берегу.

«Никогда больше не буду ему ничего показывать! Никогда больше не буду ничего записывать! Хватит! – На большие карие глаза навернулись слёзы. – Сколько бы я ни пытался...»

Альвери заморгал часто-часто и задержал дыхание, но слёзы упрямо брызнули на прохладную гладкую бумагу. Ноты ошетинились и поплыли со своих мест, словно дразнили незадачливого музыканта. Мальчик скрипнул зубами и схватил испорченную партитуру. Он сжал её ладонями, и бумага жалобно хрустнула, превратившись в комок. Альвери бросил его на пол и прыгнул сверху. Со злобным торжеством поднял искорёженную бумагу, расправил и потянул в стороны. Он рвал партитуру на клочки, останавливаясь только затем, чтобы размазать по щекам назойливые слёзы. Он продолжал измельчать нотную тетрадь до тех пор, пока кусочки не начали расползаться под детски-нежными пальцами. Не в силах больше ухватиться за бумагу, он сдался и швырнул её в мусорную корзину.

Альвери потёр горячие пальцы о серые школьные брюки. Поднял голову и оглядел зал так, словно только что здесь оказался. С тихой улицы в окна струился солнечный свет, в котором сверкало покрытое чёрным лаком фортепиано. Над ним в ярких лучах кружились и оседали пылинки. Мальчик вернулся к инструменту и сел. Погладил пальцем несколько клавиш. Обернулся и посмотрел на испорченные листы. Ему стало жаль свою музыку. Альвери снова попытался сыграть начало мелодии, каким оно было до того, как стать скучной партитурой. Но музыка продолжала ускользать от него, теряясь за исправлениями учителя. Альвери невольно играл вариант маэстро, и внутри ничего не отзывалось. Мальчик сердито нажал несколько диссонансирующих клавиш. И следом ещё несколько, в другом регистре. Он ударял по клавишам, коверкая мелодию. Сердито сцепил зубы и лупил руками так, будто пытался подраться с фортепиано. Он ненавидел то, что написал. Ненавидел то, что получилось после правок маэстро. Ненавидел ту какофонию, которая рвалась из-под пальцев, пока он пытался снова оживить свою музыку.

Как ни пытался Альвери спасти мелодию, каждое новое решение лишь повторяло исправления учителя. Мальчик шёл по пятам маэстро, но на этом пути не было и следа его музыки.

Снова потекли беспомощные слёзы. Он назло играл мелодию так, чтобы она как можно меньше походила на вариант маэстро.

Альвери показалось, что он окончательно потерял свою музыку. Вместо могучего и лёгкого потока в груди словно скрежетали тяжёлые серые камни. Из-под пальцев Альвери неслась теперь чужая музыка, неуправляемая и оглушительная. Мальчика охватила паника, но остановиться он не мог.

Вельна взяла с пассажирского сиденья бумажный пакет, захлопнула водительскую дверцу, перекинула за спину толстую косу цвета топлёного молока и не спеша направилась к дому. Фасад в полуденных лучах на фоне безоблачного неба белел как пастила. Вельну вдруг охватила тревога. Она осмотрелась: людей вокруг не было, и даже коты, которые обычно нежились на солнышке возле дома, попрятались. Вельна зябко повела округлыми плечами, расправила просторный голубой сарафан и поспешила к крыльцу. Пять дубовых ступеней откликнулись стуком под каблуками, и она торопливо открыла витражную дверь.

Звуки фортепиано, которые были еле различимы на улице, обрушились на Вельну. Ей показалось, что кто-то невидимый и огромный сдавил ей горло. Музыка рыдала вокруг, и на бирюзовые глаза женщины тоже навернулись слёзы. Она хотела выскочить обратно, но её как будто пригвоздило к паркету. Из оцепенения её вывел шорох. Вельна вздрогнула и опустила глаза: похолодевшей рукой она сжимала бумажный пакет, о котором совсем забыла. Она нервно усмехнулась тому, каким нелепым оказался её испуг. Вельна перевела дыхание и крикнула:

– Альвери! – Всегда сильный голос теперь срывался и не слушался, она выдавила через застрявший в горле комок. – Смотри, что я тебе принесла!

Вельна была почти уверена, что сын её не услышит за громкой и мрачной мелодией, но та тут же смолкла.

Вельна стояла в тёплой прихожей. Она отпустила ручку входной двери и сердито потёрла мурашки на коже. Только теперь она заметила, как лучи, проходящие сквозь витраж, разукрасили её руку разноцветными треугольниками и ромбами, и восхищённо затаила дыхание.

В глубине коридора раздался шорох, и в следующий миг худенький взлохмаченный мальчик чуть не сбил мать с ног, набросившись на неё с объятиями. Он уткнулся лицом в её живот и глубоко вздохнул. Альвери поднял покрасневшие глаза на мать и попытался улыбнуться, но полные губы кривились так, словно он прожевал целый лимон. Вельна расцеловала сына в обе щеки, погладила тёмные кудри и протянула ему бумажный пакет. Мальчик заглянул в него и просиял:

– С вишней и шоколадом!

Альвери шумно сопел и сосредоточенно откусывал от узорчатой корзиночки. О прежнем смятении напоминали только покрасневшие глаза. По дороге на кухню два пирожных успели исчезнуть. Вельна прошла к плите мимо кухонного стола; Альвери вприпрыжку следовал за ней. Он достал последнее пирожное и собрался откусить, но бросил быстрый взгляд на мать и протянул ей своё любимое лакомство. Она отвлеклась от металлического чайника, в который налила воды, и улыбнулась:

– Ну, что ты, мой оленёнок! Я тебе купила.

– Ты выглядишь как-то грустно! Думаю, тебе тоже нужно пирожное, а то нечестно.

– Спасибо, мой милый, – она рассмеялась. – Но пирожные меня не радуют, – поймав его недоверчивый взгляд, она добавила: – Во всяком случае так, как тебя. Ешь лучше сам.

Альвери доел пирожное, подошёл к маме, поднял руки и крепко обнял за талию, пока она ставила чайник на плиту. Она повернулась к сыну и прижала его к себе. Больше всего Вельна каждый день ждала именно этого момента, – но пугающая музыка, которую она слы-

шала сегодня, оживала в воспоминаниях каждый раз, как она смотрела на сына. Из-за этого Вельна не могла отделаться от чувства смутной тревоги. Мать и сын стояли, обнявшись, пока чайник не закипел. Вельна раздумывала, как бы поговорить с мальчиком так, чтоб не расстроить его. Она выключила плиту и осторожно спросила:

– Маэстро приходил сегодня?

Губы Альвери снова скривились, а брови превратились в напряжённую линию. Он отвернулся, засопел и еле выдавил:

– Да.

– Альвери... – Она коснулась его плеча. – Что случилось?

Мальчик пропищал:

– Он испортил мою музыку!

Она подошла к нему сзади и обняла вздрагивающие плечи. Покачала его из стороны в сторону и спросила:

– Как так?

Альвери сказал, задыхаясь и размазывая слёзы по щекам:

– Я хотел выписать музыку, которую почувствовал. Она была такая красивая! Но у меня не получилось, и она стала совсем не такая. А когда я попросил маэстро мне помочь, он сделал всё совсем не так, и стало только хуже!

– Ты эту мелодию играл сейчас? Это маэстро так её изменил?!

– Да нет же! – Он отодвинулся от неё и безнадёжно разрыдался. – Я хотел... просто всё исправить. Я хотел вернуть... *мою* музыку! Но теперь... я её совсем потерял...

Если бы Вельне кто-то сообщил, что музыка может быть такой гнетущей, она ни за что бы не поверила. А если бы этот кто-то ещё добавил, что такую мрачную будоражащую мелодию способен сочинить её жизнерадостный мальчик... Она поёжилась и попыталась найти слова, чтобы подбодрить сына:

– Может, посмотрим вместе твою тетрадь, и ты вспомнишь, как должно было быть?

– Нет! Это не поможет! Там всё совсем не так! – Он всхлипнул несколько раз и добавил: – И... я порвал её после ухода учителя, и обратно уже не собрать.

Подходящие слова иссякли, поэтому Вельна просто села на стул, схватила сына в охапку и усадила себе на колени. Он порывисто прижался к ней – маленький и беззащитный.

Запахи цветущего абрикоса, горячей земли и свежескошенной травы врываются в комнату через распахнутое окно. Оранжевый луч пробивался сквозь тяжёлые атласные портьеры и скользил по резному паркету. Вельна смотрела на эту полоску света, словно хотела найти там ответ, как сделать сына снова весёлым и жизнерадостным. Она попробовала то, что работало всегда:

– Погода чудесная. Пойдём гулять?

– Да!

Он выскочил в прихожую, перелетел три ступеньки и спрыгнул на аккуратную дорожку из белого гравия. Мать с трудом за ним поспевала.

Кальмир, тот же день

Большой буковый стол терялся в зелени оранжереи. Возле него стояла миниатюрная женщина в приталенном сером платье с белоснежным кружевным воротничком: седые волосы собраны в аккуратный пучок, на руках рабочие перчатки. Она подносила пакетики с семенами к самому лицу и внимательно изучала. Рядом с её чудесными гиацинтовыми глазами даже нос

с горбинкой, чуть великоватый для её лица, и широкий рот выглядели выразительными и не портили её.

Она скользнула взглядом по круглому циферблату наручных часов и посмотрела на дверь. Та тут же распахнулась, и в оранжевую хлынули отдалённый детский смех, весёлый гул голосов и топот шагов. Вместе с этими звуками внутрь ступил невысокий смуглый мужчина. Несмотря на тёплую погоду, он был одет в плотные чёрные брюки, чёрную рубашку и такого же цвета камзол с длинным рукавом.

Он обернулся, закрывая дверь; в длинных смоляных кудрях блеснула тёмно-синяя лента. Звуки тут же стихли, словно он не просто закрыл за собой дверь, а отрезал их двоих от всего остального мира. Он бесшумно подошёл к женщине и посмотрел на неё большими угольными глазами, вокруг которых притаились весёлые морщинки. Она улыбнулась и снова опустила взгляд на пакетики:

– По тебе можно время сверять. Не думала, что в такой толчее можно добраться куда-то вовремя.

Над её ухом раздался жизнерадостный баритон:

– Зачем ходить по переполненной улице, когда есть живописные крыши, где можно перемещаться свободно? Ну ладно, почти свободно. На самом деле пришлось спуститься возле Архитекторов, а то там неудобная черепица.

– Всегда знала, что просто ходить по земле – слишком скучно для тебя. – В глубине её глаз заплясали весёлые искры.

– Просто я ненавижу опаздывать. Что будем зачаровывать на этот раз?

Он потёр смуглые кисти и с интересом заглянул в коробку с семенами, стоявшую на столе. Женщина уклончиво ответила:

– До темноты много всего успеем.

– Стоит только попасть сюда, и так просто ты меня уже не выпустишь.

– Конечно, нет! Такая удача выпадает раз в год. И это в лучшем случае.

Она обошла стол и закрыла дверь на задвижку. Он пошёл в дальний угол оранжевой, бормоча: «Так и знал!». Мимоходом скинул камзол и тут же бросил сложенный на спинку ближайшего стула. Вернулся, держа в обеих руках по мешку земли, и положил их на стол так, будто они ничего не весили. Расстегнул по четыре пуговицы на манжетах и закатал рукава рубашки: от запястий до середины предплечий чернели изогнутые линии – узкие короткие чередовались с длинными широкими. От каждого движения линии извивались, словно в танце.

Он поймал взгляд женщины, которая тоже подошла к столу и как замороженная глядела на эти узоры. Она вздохнула и тут же отвела глаза. Он посмотрел на серые перчатки, которые надевал в этот момент, и буркнул:

– Ну как, убедилась, что я всё ещё «позор семьи»?

– Да, узоры, в которых начертано «Искуснейший противник», по-прежнему украшают твои руки.

– Чтобы это читалось так, как ты говоришь, линии должны были быть прямыми.

– Глупости! Прямые линии выглядят совсем скучно. Если бы дед не заморочил тебе голову своим неправильным мнением, ты бы и сам это заметил.

– Меня всегда восхищала твоя способность видеть реальность так, как больше нравится тебе, и даже колдовать для этого не приходится.

– Верно, для колдовства у меня есть ты.

Она с довольной улыбкой прикрыла глаза, опустила руку в ящик и выудила первый попавшийся пакетик с семенами. Задумчиво повертела его перед глазами и указала рукой на стопку тёмно-коричневых глиняных плошек справа. Он молча двинулся к ним и принёс на стол. Вскрыл один из мешков и насыпал почву в первую плошку. Женщина положила туда семена, затем принялась чертить указательным пальцем сложные узоры по бокам плошки.

Он внимательно следил за её движениями. Когда она закончила, придвинул плошку к себе и аккуратно присыпал семена землёй. Затем снял перчатки, наклонился и легко подул на почву, над которой поднялось белесоватое облачко пыли. Оно становилось всё гуще, плотнее и заволокло всю поверхность плошки клубами, похожими на дым. Он подул ещё раз, и облако вошло в почву.

Колдун выпрямился и провёл пальцами по шероховатому краю плошки, остановившись в том месте, из которого женщина начала рисовать узоры. Медленно повторил её первое движение. В глубине угольных глаз заплескали золотистые искры. Он расписал плошку невидимыми линиями – точь-в-точь как это делала женщина. Закончил узор и подул ещё раз; золотые искры в его глазах погасли. Он сказал буднично:

– Первый оберег для здоровья готов. Что там дальше?

Она радостно хлопнула в ладоши и опустила руку в ящик, вынимая следующий пакет с семенами:

– Теперь удача.

Он снова надел перчатки и наполнил землёй следующую плошку. Женщина положила семена и принялась чертить другой рисунок. Колдун присыпал семена землёй и расчертил плошку по рисунку цветочницы. В этот раз искры в его глазах отливали серебром.

Раз за разом женщина выбирала семена, а мужчина расчерчивал вслед за ней плошки. И каждый раз появлялись в его глазах фиолетовые, розовые, зелёные, снова золотые и серебряные искры.

Спустя примерно два десятка плошек прежде, чем женщина успела достать очередной пакетик с семенами, он поднял руку и остановил её:

– погоди, я в последний раз чуть не ошибся, пожалуй, отдохну немного.

Она отодвинула коробку и встала. Направилась в один из углов оранжереи, где стоял почти невидимый под зеленью массивный комод. Взяла из верхнего ящика подставку с горелкой и опустила на неё старенький алюминиевый чайник.

Мужчина тоже поднялся и неспешно прохаживался вдоль стеллажей, рассматривая плошки с цветами. Напротив некоторых из них он останавливался, словно размышляя о чём-то. Наконец он сказал:

– Кажется, точно такие же плошки мы зачаровывали два года назад.

Она подняла взгляд от белых фарфоровых чашек, которые вынула из комода, и кивнула:

– Верно. Это они и есть.

– Так долго не берут удачу? – Он нахмурился.

– Ну... я оставляла их для Тэури...

– А... – Лицо его тут же смягчилось.

– ...но, по правде сказать, он передумал переезжать в Кальмир.

– Вот как? – Он улыбнулся. – Решил ещё немного покутить в столице вместо того, чтобы отправляться на пенсию?

Она уклончиво ответила:

– У него появились новые дела...

– Ты так таинственно это произносишь, будто он собрался жениться, – он от души расхохотался.

– Не совсем... – она печально улыбнулась и виновато поглядела на него. – Он взял себе ученика.

– Ну надо же, – он горько усмехнулся и снова скрылся за стеллажами, – даже твоему самовлюблённому учениконенавистническому брату удалось заполучить себе ученика. Куда катится этот мир!

Она сделала шаг в его сторону, но чайник недовольно зашумел, закипая. Цветочница осталась стоять на месте и крикнула:

– Рёми... Я не хотела говорить об этом в этот твой приезд...

– Ничего, это всё мой длинный язык виноват – я же сам спросил.

– Ты не сердишься?

– Я не сержусь! Я негодую! И так каждый раз, как что-то мне напоминает об учениках вообще или о мерзком Вáвери в частности! – Он печально добавил: – Но ни ты, ни твой брат в этом не виноваты. Самому надо было глядеть, кого понабрал в ученики.

Она вздохнула и опустила плечи. Убрала клокочущий чайник с огня и поставила его на комод.

– Можешь разбить что-нибудь, если тебе станет от этого легче.

– Ни один подлый, глупый, трусливый, сбежавший к моему дяде ученик не стоит того, чтоб я портил твои вещи! – Рокочущий баритон удалялся на другой конец оранжереи.

Она вынула из ящика небольшой бежевый мешочек и крикнула:

– Там за стеллажом с бархатцами лежит керамзит для дренажа. Можешь покрошить его помельче, если хочешь.

– Спасибо!

Цветочница достала из мешочка две бархатистые изогнутые иголки цвета тёмного шоколада. Из дальнего конца оранжереи донёлся треск. Женщина вздрогнула и бросила иглы в чашки. Следом налила воды. Каждое её движение сопровождал глухой грохот. Она морщилась и вздыхала.

Постепенно иглы расправлялись, становясь похожими на спирали и окрашивая воду в красновато-коричневый. Женщина осторожно помешивала кипяток. Наконец в каждой чашке на поверхности раскрылся гладкий лист.

– Чай готов!

Шум стих, и вскоре из-за стеллажа вынырнул мужчина и, хмурясь, подошёл к комоду. Взял чашку, подул и молча отхлебнул дымящийся напиток. Женщина села на стул и придвинула вторую чашку к себе. Осторожно подула, отстранилась и подняла глаза на Реми. С каждым плотком складка между его бровей становилась всё меньше, а где-то на середине чашки и вовсе исчезла. Женщина выждала ещё немного и заговорила:

– Думаешь, здесь правда остался кто-то настолько талантливый, что мог бы стать новым распорядителем музыки?

Складка снова вернулась на прежнее место. Он с силой подул в чашку и пожал плечами:

– Может, и остался. Твоему брату разве не виднее? – Он поставил чашку и посмотрел цветочнице в глаза. – Кому знать такие вещи о собственных учениках, как не ему?

– Он не очень охотно говорил об этом. Знаешь, мне кажется, его что-то беспокоит...

– Старине Тэури столько лет, что как минимум его должны беспокоить колени. Мои, например, меня уже не радуют. А, может, ещё и кисти, он же всё время играет, – он сделал волну пальцами от одного мизинца до другого, и линии на запястьях затрепетали, как языки пламени. – Ненавижу, когда ты так смотришь.

– Я серьёзно!

– Ладно, – он снова помрачнел. – Почему ты у меня спрашиваешь?

– Ну, ты же видел до того, как закрылись главные Ворота, сколько вира́хсу с достаточной силой здесь осталось...

Он молча взял чашку и отпил. Поймал её выжидающий взгляд и вздохнул:

– Я не следил за Воротами в каждый момент времени... – он заглянул в опустевшую чашку, со стуком поставил её на комод и посмотрел на цветочницу. – Я вообще не Страж, насколько ты знаешь.

Он отвернулся и собрался встать, но она положила руку ему на плечо:

– Извини. Я думала, уже достаточно времени прошло. Но тебя сегодня любая тема выводит из равновесия.

– Пойду лучше ещё поломаю твой керамзит, – он стряхнул её руку и встал.
– Можешь выпить мой чай, если хочешь. Он всё равно ещё горячий.
– Ну или выпью твой чай, – он развернулся обратно к комоду и взял её чашку. Спустя несколько глотков произнёс: – Что именно его волнует?

– Он говорит, что мальчик невероятно талантлив. Но при этом ужасно ленив и непослушен.

Он расхохотался:

– Чего он хотел? Мальчики и должны быть ленивыми и непослушными, разве не так?
– Рада, что ты хоть что-то начал понимать в этой жизни, – она улыбнулась и погладила его кисть, нечаянно задев линии на запястье. Он убрал руку. – Реми...

– Гляну, какие вираксу ещё остались здесь, если меня занесёт к главным Воротам, – но ничего не обещаю.

Он залпом допил остатки чая и поставил чашку на комод. Женщина шагнула к нему, чтобы обнять, но он увернулся и направился к столу. Она вздохнула и засеменила следом.

Реюмир, тот же день

Вельна и Альвери дважды прошли весь коттеджный посёлок и вернулись к дому. На ступенях крыльца и на дорожке пушистыми клубками лежали коты. Альвери погладил их всех по очереди. Коты довольно урчали и подставляли уши, спины и мордочки под ладошки мальчика. Вельна поднялась по ступеням:

– Пойду что-нибудь приготовлю, пока папа не приехал.

В дверях она обернулась, посмотрела ещё раз на Альвери и неожиданно рассмеялась. Он поднял на неё глаза и растерянно улыбнулся. Она пояснила:

– Ты как будто дирижируешь мурчащим оркестром!

Альвери рассмеялся было, но потом поджал губы:

– Хорошо, что маэстро тебя не слышит.

– Почему?

– Он бы сказал, что я глажу их не в той последовательности и не с той скоростью, – он встал и снова насупился.

– Ну что ты, мой милый... – Она спустилась и погладила его по голове, еле сдерживая улыбку, чтобы он не подумал, будто она смеётся над ним. – Главное, чтобы тебе нравилось.

– Мне нравится ровно до того момента, пока не приходит маэстро и не говорит, что я делаю всё неправильно!

– Альвери, маэстро просто пытается помочь...

– От его помощи мои мелодии становятся только хуже! И чем больше я стараюсь следовать тому, что он говорит, тем меньше они мне нравятся! Он зачёркивает всё! В каждом такте выискивает ошибки! И чем больше он исправляет, тем меньше я помню, как должно быть на самом деле! Рядом с ним мне всегда кажется, что я совсем никуда не гожусь, и моя музыка тоже!

– Ну что ты! – Вельна прижала его к себе. – Это совсем не так. Просто маэстро не понимает, что именно ты слышишь: он же видит только записанный вариант, а ты и сам говоришь, что он не такой красивый, как тебе бы хотелось. Просто наберись терпения. Ты научишься записывать ноты всё точнее, и маэстро наконец поймёт, как звучит твоя музыка на самом деле.

– Я не хочу ему больше ничего показывать! Я и так знаю, что у меня не получается. Нельзя, чтобы он пришёл, когда у меня самого получится?

– Альвери, – она рассмеялась и взлохматила его кудри. – Ты правда хочешь, чтобы учитель пришёл, когда ты сам всему научишься? И зачем он тогда тебе?

Альвери буркнул ей в живот:

– Не знаю, – потом отстранился и сказал, жалобно подняв глаза: – Почему ты не можешь со мной заниматься? С тобой мне хорошо, ты гораздо лучше понимаешь, какой должна быть моя музыка!

– Оленёнок мой... – она погладила его по щеке и часто заморгала, – я не могу проводить с тобой столько времени, как раньше. У меня теперь есть работа... К тому же у меня совсем не такой уровень, как у маэстро. Поверь, он лучший учитель...

– Мне не нужен лучший, мне нужен добрый! А это ты.

Он снова уткнулся лицом в её живот, и она почувствовала, как платье обожгли две горячие капли. Она молча гладила его по спине, пока не перестали вздрагивать плечи под её руками.

– Хочешь, напишем заново ту мелодию, которая так тебя расстроила? Может, ты теперь её вспомнишь?

– Нет, – он упрямо покачал головой. – Не вспомню. Она слишком красивая, чтобы у меня получилось её выписать.

– Может, тогда попробуем сделать красивой ту неудачную партитуру?

– Которую я порвал? – Он поднял на неё блестящие покрасневшие глаза. – А так разве можно?

– Почему нет, – она заговорщицки улыбнулась. – Маэстро делает твои мелодии непохожими на то, что ты хочешь, а ты можешь сделать исправленные мелодии непохожими на то, что он предлагает. Но так, чтобы тебе самому они нравились.

– Правда?

– Конечно! Уверена, ты любую мелодию сможешь сделать красивой, если захочешь.

– Да! – Он снова поднял голову, и его глаза засветились. – Я хочу!

Альвери бросился в дом, перепрыгивая через ступеньки. Мама с улыбкой вошла следом и закрыла входную дверь.

В зале Альвери опустился на колени перед мусорной корзиной и начал вытаскивать охапками клочки партитуры. Вельна подошла к нему, села рядом и тоже принялась вынимать обрывки. Когда все кусочки были собраны, мать и сын отправились наверх. Альвери вбежал в свою комнату, бросил клочки на стол и выудил из стопки чистую нотную тетрадь. Они с мамой в четыре руки раскладывали смятые исцёрканные кусочки как головоломку. Вскоре первый лист был готов. Альвери всмотрелся в партитуру и восхищённо вздохнул. Он пошевелил губами и вписал первый такт в новую тетрадь – медленно, словно примеряясь перед прыжком. Бросил взгляд в пестрящий красным лист, замер на мгновение и принялся выписывать ноты. Он водил рукой так быстро, как будто музыка убегала, а Альвери боялся не успеть за ней. Вельна улыбнулась и опустила глаза на оставшиеся клочки, стараясь поскорее сложить их, чтобы сыну не пришлось ждать. Когда у неё в ладони осталось всего с десятков обрывков, под окнами послышался шорох шин. Вельна замерла с бумагой в руках. Альвери резко поднял голову, вскочил из-за стола и перегнулся через подоконник. Внизу чёрный прокурорский автомобиль бодро катился по белому гравию подъездной дорожки.

– Папа!

– Ой! – Вельна потёрла костяшки пальцев. – Я так ничего и не приготовила.

Она оглянулась на дверь, но бежать на кухню было уже бессмысленно. Альвери бросился к лестнице, Вельна – следом. Когда они оба спустились, Корнери уже стоял на крыльце. Жена и сын набросились на него с объятиями. На фоне их светлой одежды чёрный цвет прокурорской формы выглядел слишком глубоким и резким. Пышная Вельна в просторном сарафане возле высокого и широкоплечего, но всё же худого мужа выглядела как декоративная подушечка возле прогулочной трости. Альвери, который макушкой еле доставал отцу до пояса, встал на

цыпочки и неуклюже прижал ладони к его животу и спине, как будто пытался закрыть в отце невидимую сквозную дыру. Мужчина наклонился и поцеловал жену: его высокий лоб, длинный прямой нос и угловатый подбородок казались совсем острыми рядом с её мягкими чертами.

Корнери взлохматил кудри сына и с улыбкой шагнул в дом. Равнодушно застыл среди разноцветных бликов витража, прислушиваясь к запаху разогретого на солнце паркета. Затем повернулся к жене:

– А ужин будет?

Вельна виновато отвела взгляд. Корнери провёл рукой по своим чёрным коротким волосам, молча развернулся, подошёл обратно к машине и сел за руль.

– Ну, садитесь.

Вельна и Альвери тут же оказались на пассажирских сиденьях, и вся семья поехала ужинать в город.

– Хотя бы уроки сделаешь с ним сама, когда мы вернёмся? – Спросил он, не отрываясь от дороги.

Вельна закивала, а Альвери заверил, что ему почти ничего не задали. Корнери отвлёкся от потока машин и посмотрел в зеркало заднего вида, пытаясь поймать взгляд Вельны, но она смотрела на Альвери. Сзади засигналили, и мужчина быстро перевёл взгляд на дорогу. Пассажиры ничего не заметили. Они увлечённо обсуждали, как светится золотыми огнями берег с той стороны залива, где уже сгустились сумерки. Как прозрачный обычно купол на здании Союза колдунов причудливо переливается словно радужный мыльный пузырь. Как играет небо алым и пурпурным.

Их голоса сопровождали Корнери до самого столика. Мужчина нашёл привычную строчку в меню и заказал «как обычно». Официант знал, что заказ женщины и мальчика ему придётся ждать не меньше получаса, поэтому пошёл на кухню распорядиться. Прокурор откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Он хотел было спросить, как прошёл день у жены и сына, но они так увлечённо беседовали, что он решил не вклиниваться в их разговор. Корнери взял газету, лежавшую на кресле, и поднял её перед лицом как ширму. Наконец официант принёс его блюдо.

Когда Вельна и Альвери выбрали, он уже почти закончил есть. А когда были готовы их блюда, тарелка перед ним опустела. Корнери спросил, как у них дела, но они как раз принялись за еду и, бросив скомканное: «Хорошо», впервые за весь вечер замолчали.

Корнери заказал чаю и вышел на улицу. Достал сигарету, облокотился о глянцевый чёрный бок автомобиля, щёлкнул никелированной зажигалкой и неспешно затянулся. Выпустил струю дыма в летний воздух, затянулся ещё раз и закашлялся. В последнее время это случилось всё чаще и раздражало его всё сильнее. Он постоянно собирался бросить курить, но не мог: привычка прицепилась с первым трудным делом, а потом вросла всё глубже. Корнери отдышался и бросил равнодушный взгляд на залив, где сквозь растаявшую дымку мерцали отражения звёзд. Вздохнул, затушил сигарету и пошёл обратно.

Когда он вернулся, жена и сын уже всё доели. Он печально посмотрел на остатки чая, не глядя оплатил счёт, и все трое отправились к автомобилю. Когда они проезжали по мосту, кудрявая голова Альвери прижалась к плечу Вельны. Возле дома Корнери открыл дверцу жене, она сонно выгрузилась с сиденья, и он почувствовал на щеке дежурный поцелуй. Вельна отправилась в дом, а он обошёл автомобиль и открыл вторую дверцу. Прижал к себе сына и направился к дому. Пока отец поднимался по ступенькам крыльца, Альвери засопел чуть громче, но так и не проснулся. Мальчик сладко спал и в тот момент, когда Корнери положил его на кровать.

Он укрыл сына пледом в белую и зелёную клетку и залюбовался правильными чертами лица в свете ночника. Нос, лоб и подбородок были очерчены у мальчика гораздо мягче и изящ-

нее, чем у Корнери. Только скулы проступали упрямо, как у самого прокурора. В сыне так удивительно переплелись его собственные черты с чертами жены, и он никак не мог понять, на кого их мальчик больше похож. Ему очень хотелось верить, что на него, но...

Размышления Корнери прервал отдалённый возглас Вельны, которая желала ему спокойной ночи. Он вздохнул и двинулся к двери, но тут его взгляд упал на стол. В полутьме белели обрывки партитуры. Даже если бы у него была в запасе тысяча лет, он не смог бы сложить эти бумажные осколки вместе. Он не читал ноты и не чувствовал музыку так, как жена и сын. Корнери медленно перевёл взгляд на школьные тетради: «Домашняя работа» – а ниже ничего. Он нахмурился и отправился спать, неслышно закрыв за собой дверь.

Глава 2

Реюмир, конец весны 3759 года

– При всём уважении, господин Олорце, боюсь, я не могу пойти вам навстречу... эм-м... без согласия самого учителя, – директор замялся. Настенные часы оглушительно тикали. С площадки доносились крики детей, то затихая, то усиливаясь, как резкое звенящее пение стрижей.

– То есть вы не можете уговорить господина Малё позволить моему сыну пересдать экзамен в частном порядке? – Повторил Корнери в третий раз за этот разговор, нервно поправляя и без того аккуратно уложенные волосы.

Губы директора сжались в тонкую линию. Он достал из нагрудного кармана платок и быстро промокнул лысину. Глубоко вдохнул, как будто собирался надуть шарик, и отрицательно покачал головой. Корнери спросил:

– Могу я поговорить с ним лично? На телефонные звонки он мне не ответил.

– Видите ли, господин Малё обычно не задерживается после уроков.

– Может быть... – Чёрные глаза буравили директора, – вы могли бы дать мне его домашний адрес?

– Ну, если бы господин Малё ни в коем случае не узнал... – Он отвёл взгляд. – Инженерный переулок, дом 16.

Директор воровато огляделся по сторонам и добавил, спокойно и с достоинством:

– Если вам удастся с ним договориться, мы с удовольствием переведём вашего сына в следующий класс.

– Благодарю, – прокурор встал. – Можете не провожать меня.

Последние слова он бросил через плечо, открывая дверь кабинета. Директор не успел подняться из кресла даже наполовину – и довольно плюхнулся обратно.

Возле автомобиля Корнери достал сигарету и поднёс к ней никелированную зажигалку. Но услышал резкий окрик:

– Что вы себе позволяете?! Вокруг полно детей!

Рука прокурора застыла в воздухе, на конце зажигалки плясал голубой огонёк. В сторону Корнери прихрамывал сухой пожилой мужчина. Он так сильно наморщил нос и лоб, что стал похожим на обезьяну. Когда старик приблизился на расстояние вытянутой руки, прокурор потушил пламя, медленно вынул сигарету изо рта и представился:

– Корнери Олорце. С кем имею честь?

Лицо подошедшего исказилось так, будто в него плюнули.

– Олорце?! – Этот окрик заставил замолчать всех детей на школьной площадке. Старик начал задыхаться и нечленораздельно мычал.

– Верно, моя фамилия Олорце, – он сделал небольшую паузу, вглядываясь в побагровевшее лицо мужчины. – Смею предположить, господин Малё?

– Я должен был догадаться! Ни единой капли уважения! Ни к правилам, ни к старшим, ни...

Малё мучительно пытался придумать, к чему ещё нет уважения ни у одного Олорце, но фантазия ему отказывала. Поэтому он ограничился неопределённым:

– ...ни к чему! И знаете что? – Он тяжело перевёл дыхание. Прокурор выжидающе молчал. – Я должен был догадаться, что с таким отцом... Отцом, которому самому интересна только его собственная персона, которому абсолютно плевать, где он, и что он делает, когда рядом столько людей – я бы даже сказал, детей! Совершенно неудивительно, что сын ведёт себя

точно так же! Задания для всех остальных! Да хоть для самого учителя! Только не для Альвери Олорце! Нет! Он их делать не будет! Он привык, что ему всё сходит с рук. Надо решить примеры? Он будет делать это на перемене прямо перед учительским носом! Учитель же дурак, он ничего не заметит! Надо подготовить доклад? Он просто перескажет то, что слышал вполуха на прошлом занятии! Надо подготовить письменный доклад?! Сами делайте! А мы слишком хороши для этого! Ставьте что хотите! Хоть двадцать неудов в четверти!!!

– Вот. Значит. Как. – Каждое слово тихо и взвешенно падало на господина Мале. – Поверьте, я знаю, насколько Альвери бывает легкомысленным. Но если мне кто-нибудь скажет, что он знает математику на неуд, я ни за что не поверю. Он считает в уме и решает задачи лучше многих сверстников.

– Так, так! – заскрежетал господин Мале. – Я вижу, что с вами не о чем разговаривать! Вместо того, чтобы привить сыну уважение к старшим и прилежание, вы ему потакаете в заносчивости и легкомыслии!

– Вы правы, – спокойно ответил Корнери. – О том, что следует «прививать» моему сыну, со мной действительно не стоит разговаривать. В этом я разберусь сам. А вот по поводу его итоговой отметки поговорить действительно стоит. Если вы намерены оценивать не знания, а качества, не имеющие отношения к предмету, я буду настаивать на аттестации моего сына независимой комиссией. При его способностях ему не составит труда подготовиться.

– Настаивайте! – запыхтел Мале. – Комиссию обычно возглавляет школьный учитель. Как бы ни были самоуверенны вы и ваш сын, я смогу отыскать вопрос, который заставит сесть в лужу юного господина Олорце!

Последние слова он произнёс с насмешливым поклоном. И, не дожидаясь ответа, пошёл вниз по улице, топая тяжёлыми сапогами. Корнери спрятал незажжённую сигарету, которую всё это время держал в пальцах, и сел за руль. Посмотрел вслед господину Мале, шумно выдохнул и завёл мотор.

Корнери съехал с моста и увидел вдалеке серую фигурку Альвери, который играл в мяч. Сперва мужчина досадливо поджал губы, но затем усмехнулся и подумал: «Не готовится, но хоть не сидит опять за фортепиано». Он не мог отсюда слышать звуков. Но мяч так ритмично отскакивал от рук, ног и головы мальчика, что это было похоже на танец. Корнери невольно начал настукивать по рулю в такт. Ему захотелось, чтобы сын не заметил, как он подъезжает. Он знал, что тогда мальчик бросит мяч, подойдёт с опущенной головой, будет стоять и молчать, ссутулив плечи, чтобы понять, насколько отец рассержен. Но пока Альвери с самозабвенной улыбкой ударял и ловил мяч.

Из дома выбежала Вельна в приталенном зелёном платье. Альвери увидел её и оглянулся на дорогу. Мяч гулко упал и покатился по двору. Корнери сжал руль пожелтевшими от сигарет пальцами и вышел из машины. В воздухе витали запахи выпечки, мяса и его любимой жареной картошки. Жена и сын не спешили обнимать его – просто стояли, вглядываясь.

– Да что вы в самом деле! – Корнери раскинул руки и улыбнулся. Жена и сын тут же бросились к нему, сжимая в объятиях. Альвери обхватил рёбра отца руками и виновато сопел в его плечо. Вельна с тревогой спросила:

– Его же не оставят на второй год?

– Нет. Если сдаст экзамен перед комиссией.

Альвери просиял:

– Я подготовлюсь, папа, обещаю!

– Не сомневаюсь, – он усмехнулся. – И, пожалуй, попрошу маэстро Фарвальце пока не давать тебе уроков, чтобы ты вдруг не передумал переходить в следующий класс.

– Ладно, – Альвери опустил голову и поддал гравий носком ботинка. – Пойду готовиться.
– Лучше после ужина, – весело заметил Корнери. – Тогда я и сам составлю тебе компанию.

Все трое отправились в дом. Вельна обнимала сына, смахивая украдкой слёзы облегчения. Корнери был в прекрасном настроении и шутил о том, как всё вкусно, и сыну следовало бы почаще заваливать экзамены.

После ужина отец позвал Альвери в свой кабинет и бегло опросил его по каждой теме из школьного учебника. Затем они перешли к решению задач. За окном уже стемнело, когда мужчина достал свой вузовский учебник по математике и логике. Альвери привстал и, затаив дыхание, посмотрел на эту солидную книгу, – но Корнери вдруг бросил взгляд на часы и сказал:

– Вот это мы засиделись! Нам обоим давно пора в кровать.

При этих словах у Альвери вырвалось разочарованное: «У», и Корнери добавил:

– Но ты можешь и сам завтра порешать примеры, пока я буду на работе. А когда вернусь, всё проверю.

Альвери довольно кивнул, пожелал отцу доброй ночи и побежал чистить зубы. Корнери выключил лампу и шагнул в коридор. Но вспомнил вдруг, что из-за сегодняшней поездки в школу и занятий с сыном не успел посмотреть несколько документов. Он вернулся, включил свет и со вздохом принялся за бумаги.

Кальмир, вечер того же дня

Цветочница сняла серые рабочие перчатки и натянула кружевные кремовые. Расправила бежевое платье в мелкий белый горошек и подошла к двери, но та вдруг бесшумно распахнулась сама. Женщина замерла было, но тут же радостно всплеснула руками и воскликнула:

– Реми! Вот так сюрприз!

Она шагнула назад, освобождая место, чтобы он мог войти. Он закрыл за собой дверь и поглядел на цветочницу. Улыбка сбежала с её лица:

– Что-то случилось?

Он прошёл мимо неё к комоду, открыл верхний ящик, достал горелку и чайник, налил в него воды и поставил на огонь. Цветочница подошла, пытаясь поймать его взгляд:

– Реми?

– Не знаю. Пока ничего не случилось, но мне уже всё не нравится.

– Ну, раз пока ничего не случилось, это уже кое-что. – Она опустилась на стул возле комода, Реми сел напротив. – Разве не так?

– Сложно объяснить, – он потёр кисти. – Всего месяц остался.

– Вот уж не думала! – Она расхохоталась и погладила его предплечье, надёжно скрытое чёрной рубашкой. – Ты боишься свою будущую ученицу?

– Нет, её саму я не боюсь, просто... – Он поднял руку и потёр переносицу, изучая тёмно-коричневый кафель под ногами. – На ней проклятие.

– погоди! Она же речная ведьма... К ним почти невозможно добраться, а с чужаками общается только сама Великая Ма. Разве можно наложить проклятье на ту, кто так хорошо спрятан? Ты не мог ошибиться?

– К сожалению, нет, – он убрал руку от лица, закрыл глаза и сказал еле слышно. – Это моё проклятие.

– Ох, Реми! – Она встала и сцепила пальцы в замок. – Я ничего не понимаю. Как такое вообще возможно?

– Помнишь, когда та злополучная лухту стащила мой амулет и пыталась забрать все силы, которые у меня остались, я вызвал проклятием ворота, в которые её утянуло?

– Да, ты говорил об этом, но...

– Даже дед не мог мне потом точно ответить, что это были за ворота и как они действуют. Но, похоже, они снова открылись и выпустили обратно лухту, теперь уже в человеческом обличье. Вместе с моим амулетом и проклятием заодно.

Она со стоном взялась за голову и зашагала туда-сюда:

– Постой-постой... Это всё так сложно! – Она начала загибать пальцы, как будто решала сложную задачу. – Девушка, которую ты выбрал в ученицы, – на самом деле тот самый злой дух, который тебя чуть не прикончил. У неё остался твой амулет, когда её затащило в ворота, которые ты вызвал проклятием. Поэтому, когда она родилась здесь в обличье девушки, часть твоего вирахсу, которая была в твоём амулете, перешла ей. И этой силы хватило, чтобы сделать её очень способной. Поэтому ты её и выбрал в ученицы год назад, – она посмотрела на свой миниатюрный кулак, обтянутый кружевом. – Так?

– В общих чертах похоже на правду.

– Но она талантлива, верно? Или ты выбрал её только потому, что увидел на ней своё проклятие? А мне об этом даже не сказал, хотя у тебя был целый год? – Она сняла закипевший чайник с горелки.

– Да, она очень способная. Если бы тренировалась каждый день, даже смогла бы, пожалуй, открыть главные Ворота в одиночку, как я когда-то.

– Но на ней твоё проклятие.

– Да.

– И ты мне об этом не сказал.

– Я собирался. Но говорильные силы покинули мой язык, когда я увидел, как ты радуешься, что я нашёл себе подходящую ученицу.

– Ох, Реми...

Она помешала деревянной ложечкой чай в белых чашках и вручила одну из них ему. Он подул и отпил. Цветочница спросила:

– Но ты сможешь забрать её через месяц, сразу после праздника, верно?

– Мугу.

– И когда магия речных ведьм перестанет защищать её, ты сможешь снять своё проклятие – до того, как начнёшь её обучать.

– Ну, по идее это возможно, конечно... – он снова отпил и облизнул губы. – Но пока я понятия не имею, как снять проклятие такой силы без вреда для нас обоих.

– И, тем не менее у тебя целый месяц в запасе, чтобы найти способ.

– Всего месяц. Не думаю, что это будет так просто.

– Но это возможно, если ты не будешь бездельничать.

– Даже в Тысячелетней книге, которую писали самые могущественные и опытные колдуны, нет ничего подходящего для таких случаев. Пока это выглядит как нечто почти невозможное.

– Почти!

– Зачем я только к тебе пришёл?

– Очевидно, чтобы жаловаться и разорять мои чайные запасы, – она подвинула ему свою чашку взамен опустевшей.

– И как ты умудришься оставаться такой ведьмой даже после потери магических сил? – Ондохнул на поверхность напитка и сделал глоток.

– Настоящей ведьмой женщину делает не колдовская сила, а её суть.

Она прикрыла глаза и снисходительно похлопала его по руке.

– Жаль, дед вовремя не рассказал мне об этом, иначе я не влип бы в кучу историй...

– Не думаю, что он сам знал о таком. Это персональная мудрость для тебя, пока я добрая.
– Не хотел бы я встретиться с тобой, когда ты злая.
– И правильно. Хотя тебе, возможно, и повезло бы...
– Это потому, что я помогаю тебе колдовать каждый год? – Он осушил чашку, поставил её на комод и поднялся.

– Сколько ни делюсь с тобой мудростью, у тебя всё равно одни глупости на уме, – она покачала головой, сполоснула чашки водой из чайника и спрятала в ящик.

– Пойду, пожалуй, поищу, как снимаются мощные проклятия, пока у тебя настроение не испортилось.

– Думаю, до завтра оно не испортится, – она подошла к нему и заключила в объятия. – Но только если ты пообещаешь, что прежде, чем ехать за ученицей через месяц, заглянешь ко мне делать обереги.

– Так и знал, что мне не отвертеться, – он легонько похлопал её по спине, отстранился и открыл дверь. – До встречи через месяц.

Он исчез в черноте дверного проёма. Она посмотрела вслед. Улыбка сбежала с её лица, и все морщины стали резче. Цветочница со вздохом покачала головой, поправила кружевные перчатки, выключила свет и вышла на улицу, закрыв за собой дверь.

Реюмир, утро следующего дня

Утром Альвери прямо в пижаме побежал в кабинет, где лежал заветный учебник, – но возле лестницы почувствовал аромат маминого кофе. Мальчик замер и кинулся вниз. Впрыжку влетел в кухню и обхватил мать руками, прижимаясь лбом к её плечу, утопающему в грушевой ткани. Вельна рассмеялась и поцеловала его в щёку.

– Позавтракаешь со мной?

– Конечно! – Альвери вмиг забыл про учебники.

Вельна поставила чайник. Альвери восхищённо смотрел, как плавно она двигается по кухне:

– Ты такая красивая в этом платье!

Вельна рассмеялась и погладила его по голове; бирюзовый браслет на её запястье легко зашуршал в такт. Свежий ветер врвался в комнату, наполняя её запахом вишни и влажной травы. Мать поставила перед мальчиком чашку и придвинула к нему тарелку, где сгрудились бутерброды и сладости. Он схватил эклер с шоколадным кремом и довольно зажмурился.

После завтрака Вельна обошла дом и собрала бумаги и образцы, нужные ей для работы. Она была талантливым организатором торжеств и частенько сама аккомпанировала на праздниках. Что бы она ни делала, всё получалось как по нотам, а каждое торжество, которое ложилось на её плечи, было окутано чувством лёгкости и спокойствия. Вельна вышла в прихожую, напевая. Альвери узнал мотив и присоединился к ней. Мама поймала его взгляд, улыбнулась и продолжила громче. Он открыл дверь и проводил мать к её аккуратной белой машине.

– Пока, мой оленёнок!

Альвери помахал ей вслед. Ему казалось, что колёса маминой машины крутятся в такт песне. Он побежал домой и сел за фортепиано. Эту мелодию он никогда раньше не играл, но слышал её много раз. Пальцы сами нажимали нужные клавиши. Альвери повторил тему – смелее, увереннее, ровнее. И вдруг она расширилась в его голове, стала объёмной и самостоятельной. Теперь он слышал и играл не привычную песню, а новую музыку. В ней была мама, и свежее утро, и запах вишни... А потом всё растворилось. Осталась только нежность, пронизывающая всё вокруг. И затем – тишина.

– Неплохо! Очень неплохо!

Альвери резко обернулся. Маэстро Фарвальце медленно приближался к нему. И без того широкий рот учителя растянулся в улыбке – но мальчику показалось, что он насмехается над ним. Альвери опустил глаза на его старомодный камзол. По цвету тот напоминал веточку голубой ели, с которой кто-то стёр верхний слой, и она стала ближе к зелёному. Обычно это помогало отвлечься, Альвери даже удавалось представить бодрящий хвойный запах. Но в этот раз настроение настолько испортилось, что он видел просто потускневшую от времени материю. Маэстро продолжал:

– Если закрыть глаза на некоторые неудачные моменты...

Альвери вжал голову в плечи. Ему совсем не хотелось слушать про ошибки в своей музыке. Но маэстро продолжал как ни в чём не бывало:

– Смотри, ты сыграл такой переход, – морщинистые руки сухо и точно повторили то, что Альвери играл самозабвенно. – И вот эти несколько нот создают диссонанс. Для импровизации в принципе это не критично, особенно в твоём возрасте. Но вот, смотри, мы можем построить такой аккорд...

Учитель всё продолжал, препарируя каждое отступление от правил. Альвери сжал губы и отстранённо смотрел на клавиши. Мелодия под пальцами маэстро стала удивительно правильной, но вся нежность, которую чувствовал сам мальчик, ушла.

– Вообще, конечно, кхм... интересно получилось. Знаешь, запиши свой первоначальный вариант, это будет лучше. Там есть ещё что обдумать. К тому же, как я понимаю, слышал далеко не всё... Ну, не буду мешать. Записывать импровизации по памяти – большой труд, голубчик.

Маэстро снова улыбнулся, и Альвери захотел в него чем-нибудь кинуть, чтобы учитель перестал насмехаться над ним. Но вместо этого мальчик кивнул и послушно взял нотную тетрадь.

Маэстро шагнул на крыльцо и с удовольствием подставил лицо мягким солнечным лучам. Он постоял так некоторое время, вдыхая сладкие ароматы ближних садов, а затем спустился и неторопливо пошёл вперёд. В голове всё ещё звучала мелодия ученика. Маэстро казалось, что луг, залив и деревья тоже впитали в себя эту музыку: звуки вокруг гармонично вплетались в неё, и ветерок колыхал сочную траву в такт.

Маэстро запомнил каждую ноту, которую сыграл при нём ученик. Мелодия полностью захватила его внимание, и спустя три десятка шагов он уже не видел ни деревьев, ни симметричных домиков, ни самой дороги, по которой шёл. Он машинально шагал вперёд, унесённый мыслями в другой мир, где звуки складывались в совершенную гармонию. Каждый этюд, написанный учеником, казалось, расшатывал основы этого идеального мира. Всё, что придумывал мальчик, было захватывающе, смело, красиво, гармонично и... неправильно. Сам маэстро не писал такого – и при всём желании не смог бы. Это сбивало его с толку, будоражило и дразнило. Он каждый раз направлял ученика в русло принятого канона, – но оставалось чувство, что от него самого что-то ускользает. Вот и теперь Тэури Фарвальце анализировал мелодию, стараясь нащупать способ, как сделать её правильной, сохраняя при этом все необычные решения, которые придумал неисправимый ученик. И ничего не выходило. Мелодия ломалась и лишалась всей своей привлекательности. Он бродил так, потеряв счёт времени.

Когда маэстро возвращался к дому мальчика, воздух уже наполнился прохладой и свежестью. Всё стало красным и оранжевым в закатных лучах. А в низине притаилась густая синевая тень, которая разрасталась с каждой минутой, поглощая окрестности. Возле дома чернел автомобиль прокурора. Маэстро помедлил – он не очень любил общаться с Корнери. Когда Фарвальце впервые увидел этого угловатого смуглого мужчину рядом с плавной и мелодичной

Вельной, он был уверен, что ученица вскоре прекратит общение с приземлённым юристом. Но вместо этого девушка довольно быстро вышла замуж и оборвала занятия с маэстро. Фарвальце наморщил нос и нахмурился. Ему очень хотелось зайти в другой раз, но желание увидеть мелодию пересилило, поэтому он поднялся по ступеням и опустил ладонь на прохладную ручку двери. Прежде чем он успел её повернуть, услышал недовольный голос Корнери:

– О чём ты только думаешь! Пересдача всего через месяц, и другой возможности у тебя не будет! Если ты сейчас завалишь этот экзамен, ни в один приличный вуз тебя не возьмут, как бы идеально ты ни сдал потом вступительные! Ты хоть понимаешь это?

Альвери ответил так тихо, что половину слов маэстро мог только угадывать:

– Если я продолжу заниматься музыкой, мне не обязательно будет поступать в обычный вуз...

– Ну конечно! Будешь кормиться на гроши, которые случайно перепадут? Сын главного королевского обвинителя! Ты специально пытаешься вывести меня из себя?!

Фарвальце ни разу прежде не видел прокурора рассерженным. Всегда спокойный тон и бесстрастное лицо вызывали у маэстро чувство смутной неприязни. Но этот гнев откровенно пугал. Альвери молчал, словно признавал справедливость отцовского мнения. Самого же маэстро эти слова задели за живое. Он решительно постучал в дверь. Послышались быстрые шаги, ручка бесшумно повернулась, и на пороге появился прокурор: на лице всё та же равнодушная маска. Только глаза, всегда похожие на тусклые чёрные колодцы, сейчас сердито блеснули. Фарвальце отступил назад и растерял всю решимость защищать музыку и музыкантов.

– Маэстро Фарвальце. Здравствуйте. – Корнери снова говорил спокойно, как всегда, будто вовсе не он сейчас отчитывал сына. – Я как раз хотел с вами поговорить. Проходите.

Он подвинулся, освобождая дверной проём. Маэстро медленно перенёс ногу за порог и встал возле двери, но Корнери направился в зал, и музыканту пришлось идти за ним. Прокурор развернулся к маэстро и сообщил:

– Жена рассказывала, что Альвери делает успехи под вашим руководством...

– Ну определённые проблемы у него есть, конечно, но если в ближайшие пять-шесть лет он продолжит заниматься хотя бы по три часа в день, его ждёт блестящее будущее.

Корнери скривился при этих словах, как человек, которому попала испорченная ягода. Он поднял ладонь и перебил маэстро, который только что перебил его самого:

– Нет-нет-нет, постойте. Это всё, конечно, замечательно. Но у Альвери нет столько времени на всякие... – он осёкся, и быстро подобрал не то слово, которое собирался сказать, – занятия. Мы очень ценим всё, что вы сделали для его развития, но вынуждены отказаться от ваших уроков. Тем более вы и сами признаёте, что получается у него не слишком хорошо. Во всяком случае, до тех пор, пока он не нагонит школьную программу, ни о какой музыке не может быть и речи.

Альвери потянулся к отцу, как будто хотел просить его передумать, но опустил голову и не проронил ни слова. Маэстро ссутулился и старался не глядеть ни на мальчика, ни на прокурора. Ему совершенно расхотелось спорить с Корнери и доказывать что-то, поэтому он рассеянно сказал: «Да-да, конечно». Маэстро обвёл взглядом зал в надежде увидеть нотную тетрадь и попросить её с собой, но Корнери направился к двери, и Фарвальце молча пошёл за ним. Маэстро бросил прощальный взгляд на нотные листы, разбросанные как попало на фортепиано, на столе и даже на полу. Прокурор открыл входную дверь. Маэстро тихо попрощался и вышел.

Корнери закрыл дверь, вернулся к дивану и со вздохом, похожим на стон, опустился на мягкие бежевые подушки. Мальчик молча смотрел на отца, прикрывшего глаза рукой. Резкие

тени углубили намечающиеся морщины возле губ; Альвери казалось, что отец очень сердится. Каждый раз, как речь заходила о музыке, отец отмахивался и говорил, что ничего в этом не смыслит. Так получилось и в этот раз, когда мальчик, запинаясь от волнения, пытался объяснить, как музыка ожила в его голове, стала не чьей-то, а его собственной. Корнери сжал виски руками и оборвал сына.

За окном стрекотали сверчки. Вдалеке неуверенно распевался молодой соловей. Корнери провёл рукой по лицу и повернул голову. Свет перестал старить его, и Альвери вновь видел привычное, хотя и уставшее лицо. Мальчик попробовал ещё раз всё объяснить:

– Папа, я...

– Перестань, пожалуйста, – он остановил его жестом. – Я уже тебя выслушал, можешь больше не оправдываться. Ты потерял целый день. Но, если очень постарайся, успеешь подготовиться.

Альвери подошёл к дивану и сел рядом с отцом.

– Тогда ты больше не будешь сердиться? – Он с надеждой заглянул в его лицо.

– Я не сержусь. Просто у меня был дурацкий тяжёлый день, и я очень устал, – Корнери со вздохом встал и вышел из гостиной.

Альвери раньше не придавал значения тому, как замедляются движения отца, когда он возвращается домой. Как тихо и безучастно звучит его голос. Он заметил это только теперь – и почувствовал себя виноватым. Корнери спросил из кухни:

– Будешь чай?

Альвери только теперь понял, что весь день ничего не ел. А ещё обрадовался, что отец заговорил с ним о чём-то, кроме экзамена. И хотя ему совсем не нравился отцовский чай, из вкуса которого он ощущал лишь терпкую горечь, мальчик бросился на кухню с громким: «Буду!»

Чайник шумно закипал. На столе стояли чашки со свисающими нитками пакетиков. У Альвери они всегда ассоциировались с этикетками, а не с чем-то съедобным. Мальчик поднёс чашку к губам, но пресный травянистый запах чая совсем не вызывал желания отхлебнуть. Корнери сидел, откинувшись на спинку стула и прикрыв глаза, – но стоило только сыну двинуться, он посмотрел на него. Альвери уже передумал пить и почувствовал себя неловко. За окном послышался шорох шин. Мальчик просиял, поставил чашку и вскочил из-за стола:

– Это мама! – Он скрылся в двери.

Вскоре в кухню вошла Вельна. Позади шёл Альвери со свёртками в руках. Женщина наклонилась через стол и чмокнула мужа.

– Пирожки катались со мной в машине часа полтора. Но, надеюсь, они всё равно вкусные, – она испытующе смотрела на Корнери, он изучал свой чай. – Представляете, увидела возле моста маэстро Фарвальце! Подумала, что он вряд ли доберется до города в такой час, и решила подвезти.

Вельна напряжённо сжала руки, но старалась говорить непринуждённо. Она выключила чайник и деловито загремела тарелками. Альвери крутился возле неё – и как будто старался держаться подальше от своей чашки. Корнери произнёс, не поднимая глаз:

– Я как-то не подумал, что ему будет трудно добираться. Хорошо, что ты его встретила.

– Он сказал, ты просил его больше не приходить. – Вельна снова попыталась поймать взгляд мужа, но безуспешно.

– Так и есть, – Корнери говорил спокойно, но его тон не терпел возражений. – Альвери нужно заниматься. А музыка его очень и очень отвлекает.

– Но это же временно, да? – Вельна вглядывалась в его лицо, но он сосредоточенно смотрел в чашку и не отвечал.

Альвери тоже молчал. Обычно он воодушевлённо делился всем, что накопилось за день, – но не теперь. Вельна попыталась поймать взгляд сына, но не смогла. Мальчик сделал залпом несколько глотков и, нахмурившись, отстранённо посмотрел в остывшую чашку.

Вельна встала с постели и накинула синий шёлковый халат поверх белой струящейся сорочки. Расправила волосы, и они густой волной хлынули на спину, полностью скрывая тёмный шёлк. Корнери говорил, что этот цвет ей не идёт, но Вельна очень любила прохладное гладкое ощущение от халата на коже и отказывалась покупать другой. Она обула мягкие серые тапочки и подошла к окну. Ночной ветерок доносил сладковатый запах речной воды, аромат травы и что-то ещё неуловимое. Вельна замечала, что так пахнет только ночью. Она как-то пошутила, что это запах далёких звёзд спускается на землю, но Корнери буднично сообщил, что в космосе запахи не разносятся. Абрикос в свете оранжевого фонаря мерно качал ветками, будто дремал и вздыхал во сне. Корнери всё не шёл. Вельна отвернулась от окна и зашагала по комнате.

Спустя сто семнадцать кругов в коридоре послышались приглушённые звуки шагов, и в комнату вошёл Корнери, расстёгивая на ходу рубашку. Увидев жену возле окна, он замер:

– Ты не спишь?

– Нет. Хотела с тобой поговорить.

Корнери уже вытаскивал руки из рукавов, но остановился. Вельна молчала. Он со вздохом скинул рубашку и остался в одной майке:

– Поздно уже. Это не терпит?

– Мне важно поговорить именно сейчас.

Он прислонился поясницей к подоконнику, вытянув ноги. Майка белела на фоне окна, а брюки сливались с темнотой комнаты. Мужчина сказал:

– Ну хорошо.

– Послушай, я знаю, что маэстро тебе не нравится... Нет-нет, не перебивай. Я понимаю тебя. Он довольно... своеобразный. Но для Альвери правда очень важны его уроки. Ты не можешь убрать их совсем без вреда для нашего сына.

– Вельна, он не может себя контролировать. Он завалит экзамен. Я не могу разрешить эти занятия, пока он не сдаст.

– Музыка отвлекает его от подготовки, это правда. Но после экзамена маэстро будет снова давать ему уроки, так ведь? – Она настойчиво смотрела на него, но он прошёл мимо, ощупал брошенную рубашку, достал из нагрудного кармана пачку сигарет и направился к двери. Она сказала громче: – Корнери?

Он со вздохом развернулся к жене и положил пачку на прикроватный столик.

– Ты постоянно твердишь, что музыка очень важна для него. Я все эти годы не спорил с тобой. Но смотри сама: по всему дому валяются клочки с этими... нотами! Он ходит постоянно хмурый с опухшими глазами. На учителя смотрит исподлобья. А сам маэстро говорит, что у Альвери даже с этими уроками – которые, как ты говоришь, очень важны, – одни проблемы.

– Ты наверняка не так понял его. Маэстро просто избегает хвалить Альвери при нём самом. Он боится избаловать его...

– Он уже и так избалован. Ты, например, знала о том, что он не очень-то и собирается поступать в вуз?

Вельна потупилась:

– Он ещё ребёнок. Вряд ли он хорошо представляет себе, что будет через несколько лет. Наверняка он не всерьёз говорил это.

– Вельна, я в его возрасте уже помогал в конторе отца и прекрасно понимал, чем буду заниматься в жизни.

– Нашему сыну не пришлось повзрослеть раньше времени. К счастью. Но мне кажется, он не хуже тебя представляет, чем хотел бы заниматься.

– Неужели? – Он усмехнулся.

– Он всерьёз хочет связать свою жизнь с музыкой, и...

– Нет, не-е-ет, – он поднял руки, будто хотел капитулировать, а затем сложил их на груди. – Вельна, мой сын не будет музыкантом. Просто не может быть...

– Наш сын, – она упрямо поджала губы.

– Да, наш, ты права. И всё же... За последний месяц мне попало много дел, которые я предложил решить в досудебном порядке. Больше, чем обычно. И несколько дел, где я, напротив, отказался идти навстречу предложениям некоторых советников... – Корнери шумно выдохнул. – Я давно уже для них как пень посреди дороги, понимаешь? Они бы и рады убрать меня и идти, куда им надо, да не могут пока. — Вельна, которая не думала, что мужу может угрожать хоть какая-то опасность из-за работы, при этих словах побледнела, но он уверенно продолжал: – Малейшая оплошность с моей стороны, и мне даже страшно думать, чем это может обернуться. И тут я вдруг узнаю, что мой сын... наш сын – не собирается учиться! Он хочет быть нищим! Безработным! Любая глупость с его стороны, и мне тут же любезно поднесут дело на него самого! А если я вдруг окажусь пристрастным, на меня натравят отдел внутреннего контроля. И уж поверь, они пересмотрят все дела, которые я вёл! Особенно те, которые важнее всего. Те, где я не пошёл им на уступки. Они пересмотрят их все. Все! Перевернут всё с ног на голову: виновных признают правыми, а пострадавших привлекут к ответу. Я не могу этого допустить...

– Ты ошибаешься! Наш сын не будет нищим. Он будет счастлив! Он будет делать счастливыми других. Вот увидишь!

– Я не могу этого допустить.

– Да ты хоть слышишь себя? – Её губы скривились, ноздри раздулись от негодования. – Ты не можешь допустить, чтобы наш сын был счастлив?!

Вельна отвернулась от него и отошла к окну, возмущённо дыша и перебирая поясок от халата. Каждый раз, как он разочаровывал её, Вельну охватывали недоумение и страх. Будто вместо мужа перед ней оказался кто-то чужой. Корнери в два шага оказался рядом с ней и осторожно обнял за плечи. Она отстранилась и отошла обратно на середину комнаты. Он виновато произнёс:

– Хорошо, пусть занимается дальше музыкой, – он тут же с досадой поджал губы, но она развернулась к нему: рот приоткрыт, брови восторженно приподняты. – Но экзамен он должен сдать! И пусть поступит хоть в какой-нибудь вуз ради приличия...

Вельна бросилась к нему и обвила его шею руками. Вместо тепла его кожи прохладный шёлк коснулся её руки. Он натянул на лицо улыбку и глубоко вздохнул.

Глава 3

Реюмир, начало лета 3759 года

Солнечный свет пробивался сквозь белую ажурную занавеску. Альвери положил подбородок на ладонь и смотрел на узорчатую тень на паркете. Иногда мальчик отвлекался и изучал рукава своей серой форменной куртки, а временами косил глазами в потолок. Он решил все задачи ещё десять минут назад, но господин Мале уговорил председателя комиссии начинать приём на общих основаниях – спустя сорок минут после выдачи задания. Господин Мале в своём неизменном коричневом костюме расположился слева от председателя и, выдвинув нижнюю челюсть, отрывисто кусал кончик ручки каждый раз, как его взгляд падал на Альвери. Сам мальчик старался не смотреть на скрюченного, морщинистого учителя, чтобы не видеть торжества в его глазах. В центре стола сидел председатель – осанистый мужчина в сером твидовом костюме с зачёсанными серебристыми висками. Справа от него сидела женщина в квадратных массивных очках и с коротко стриженными каштановыми волосами. На ней был ярко-розовый пиджак, а уши украшали массивные серьги с тёмно-зелёным камнем. Альвери никогда не видел, чтобы учителя одевались так ярко, и поначалу очень удивился, – но в итоге решил, что такой необычный для учителя стиль ему скорее нравится.

Наконец последняя песчинка сорвалась вниз из купола больших часов. Альвери с надеждой вскинул голову на председателя. Но тот поднёс к лицу список учеников, так что у Альвери не было ни малейшей возможности поймать его взгляд. Председатель вызвал первого ученика из списка. Альвери опустил руки под парту, постучал пальцами по коленям и шумно вздохнул. Председатель убрал бумагу и посмотрел прямо на мальчика. Альвери ожидал увидеть тусклые скучающие глаза, но они были голубые и удивительно яркие. Ему показалось, что председатель усмехнулся одними уголками губ. Альвери смутился и уставился в свой лист с ответами. Только тут он заметил, что одну из задач решил неправильно.

Похолодевшей рукой мальчик вытер пот, выступивший над верхней губой, и схватился за ручку. Отвечающий ученик из параллельного класса что-то мычал возле доски; Альвери старался его не слушать. Он зачеркнул неверный ответ и начал отчаянно строчить правильное решение. Спустя минуту пальцы заныли, а мышцы предплечья начало сводить судорогой. Альвери смахнул свободной рукой пот, щекочущий брови как назойливая муха. Он чувствовал, как горят щёки и шея. Господин Мале что-то громко скрипнул своим резким голосом, и Альвери инстинктивно вскинул голову: отвечающий уже добрался до последней задачи. Альвери показалось, что кто-то забросил ледяные шарики ему в желудок, и теперь они больно отскакивают от его стенок. Писать оставалось никак не меньше страницы, и Альвери не верил, что комиссия решит спросить кого-то ещё, – слишком уж злорадно звучал господин Мале. Слева от Альвери мелькнул серый форменный рукав: отвечавший ученик получил «удовлетворительно» и теперь спешил на своё место, чтобы забрать вещи и покинуть класс. В тот же миг голос господина Мале затрещал как раскат грома:

– Господин Олорце, кажется, очень торопится. Уверен, мучить его и дальше ожиданием просто преступно! Как вы считаете, господин Альти?

Альвери взметнул взгляд на господина Альти: тот наверняка открыто смеётся над ним, раз его так позабавил нетерпеливый вздох десятью минутами ранее. Но председатель смотрел серьёзно из-под сведённых бровей. Альвери опустил глаза к своему ответу, выводя немеющей рукой вместо целой страницы доказательства куцую надпись: «Согласно теореме Кóверци».

Глубокий голос господина Альти произнёс откуда-то издалека:

– Согласно регламенту, мы обязаны строго придерживаться списка. Впрочем, если господин Олорце готов отвечать, я не возражаю.

Альвери почувствовал, как на него все смотрят. Он встал, изучая свои ноги, которые ощущались как деревянные подпорки, и тихо ответил:

– Если уважаемая комиссия согласна великодушно учесть мои устные пояснения к решению некоторых задач...

– Торговаться будешь на рынке, Олорце! А сейчас ты на экзамене!

Господин Альци никак не отреагировал на это заявление господина Мале, только кивком пригласил Альвери к доске. Мальчик поднялся, неловко опустил бланк с ответами на стол между председателем и госпожой в розовом, как можно дальше от господина Мале, и взял мел. По памяти Альвери выписал условия первой задачи и уже открыл рот, как его прервал крик школьного математика:

– Стыд и позор! Этот бланк следует разорвать, а самого нахала исключить за мошенничество при передаче!

Альвери поднял глаза на господина Мале и ему показалось, что тот съёжился, скрючился и уплывает куда-то по спирали. Доказательства застряли в горле острым комком, а голову затопил липкий туман. «Всё зря!» – Альвери перестал дышать. Время, которым отец жертвовал целый месяц ради сына, разрослось в воображении до огромной плиты, готовой обрушиться на него, чтобы покарать. Альвери проклинал свою оплошность, которой бы не было, если бы он внимательно перепроверил задачу, вместо того чтобы глазеть по сторонам и мысленно прикидывать, что он сыграет сегодня после экзамена. До него донёсся спокойный голос председателя:

– Лично я не вижу ни малейших признаков мошенничества. Только небрежность. Что скажете вы, госпожа Коверци?

Альвери вздрогнул, услышав фамилию, и недоверчиво посмотрел на женщину. Она прочистила горло и сообщила резковатым, но вместе с тем приятным голосом:

– Помарки, конечно, имеются, и довольно значительные... Но оригинальность и изящность решения, на мой взгляд, компенсируют неаккуратность исполнения.

Альвери показалось, что в груди раздулся горячий воздушный шарик и давит на рёбра изнутри. Окрылённый, мальчик уже раскрыл рот, чтобы отвечать, но господин Мале не унимался:

– Эту теорему не проходят в школьной программе! Ученик его способностей и его уровня подготовки не в состоянии самостоятельно додуматься до такого решения! Он либо угадал случайно, либо подсмотрел сейчас где-то!

– Господин Мале, юноша всё это время сидел прямо перед нами и смотрел исключительно в свой бланк... – председатель усмехнулся, – во всяком случае, пока решал задачу.

Альвери почувствовал, как загорелись уши под взглядом господина Альци. Тот невозмутимо продолжал:

– Давайте лучше послушаем его самого, и всё встанет на свои места.

Альвери с облегчением выдохнул и начал объяснять решение. Когда он дошёл до задачи, в которой допустил такую досадную оплошность, начал озвучивать вариант решения, который был принят в школе, и который он сам использовал в первом случае. Господин Мале, побавровев, вскочил с места и заорал:

– Вы видите! Он просто морочит нам голову! Ему известно лишь решение, которое проходят в школьной программе!

Альвери сжал кулаки и, прежде чем председатель успел как-то прокомментировать выпад господина Мале, выпалил:

– На теорему Коверци я сослался совершенно осознанно! А если вы мне не верите, я могу её доказать прямо сейчас!

Господин Мале растерянно открыл и закрыл рот. Председатель негромко кашлянул и сказал:

– Вообще регламент запрещает требовать от учеников доказательств к теоремам, которые не даны изначально условиями задачи... – Он переглянулся со своей коллегой; та широко улыбнулась. – Но если вы по собственному желанию готовы нам доказать эту теорему, мы выслушаем вас с удовольствием. Если справитесь, мы тут же вас отпустим.

Альвери чуть не подпрыгнул от радости и принялся чертить на доске. Эта теорема среди всех тем в отцовском учебнике сразу привлекла его рисунком, который был похож на схематичное изображение фортепианных струн. А когда он прочитал пояснения, теорема показалась ему такой же изящной и совершенной, как его неуловимая музыка.

Альвери закончил чертить и отвернулся от доски с горящими глазами. Ближе всего к нему сидел господин Мале, красный и необычно молчаливый, но Альвери не было до него никакого дела. Он смотрел на господина Альци, на лице которого читался живой интерес, и на госпожу Коверци, глаза которой даже через очки сверкали так же ярко, как у самого мальчика.

Альвери вдохнул, как перед прыжком в воду, и слова сами собой хлынули из него. Чем дольше он говорил, тем мрачнее становился школьный математик – и тем больше симпатии читалось в двух других членах комиссии. Когда он закончил, госпожа Коверци сказала:

– Хотелось бы придумать какой-нибудь каверзный вопрос, чтобы послушать вас ещё немного... Но это было просто блестяще, даже добавить нечего.

– Что ж господин Олорце, вы доказали, что этой темой владеете хорошо... – Председатель повернул лицо к Альвери, но в этот момент шумно встал господин Мале.

– Я бы всё же настаивал на другом билете, – он говорил сухо и непривычно тихо. – Если ученик действительно владеет предметом, ему не составит труда подготовить ответы как следует. В рамках школьной программы.

Председатель нахмурился.

– Ученик доказал владение темой, господин Мале.

– Он доказал то, чего нет в школьной программе. А мы здесь собрались, чтобы оценивать именно школьные знания.

– Не соглашусь с вами. Мы с госпожой Коверци пришли сюда, чтобы оценить степень владения предметом. Что делает здесь сегодня этот юноша, мне как математику совершенно неясно. Никакой нужды проверять его знания дальше я не вижу: мы уже слышали достаточно и даже больше. – Он повернулся к Альвери. – Поздравляю с успешной сдачей экзамена, господин Олорце.

Альвери прыгнул к своей парте, сгрёб сумку, и крикнув на бегу: «Спасибо!», скрылся за дверью. Корнери стоял, прислонившись к стене, выкрашенной зелёным, и равнодушно изучал узоры на паркете. Вельна вскочила со стула и бросилась к сыну:

– Ну как?

– Сдал!

Она порывисто сжала его в объятиях. Корнери прошёл мимо, потрепал сына по плечу и заглянул в кабинет. Председатель успел вызвать следующего ученика, но вместо того, чтобы его слушать, встал с кресла и просиял:

– Господин Олорце! Не думал, что встречу вас сегодня лично. Очень рад.

Госпожа Коверци улыбнулась, приподняв брови, и тоже встала. Господин Мале снова побагровел. Альвери видел его в раскрытую дверь – и подумал, что учителя сейчас хватит удар. Корнери шагнул в кабинет, пожал руку господину Альци, уважительно кивнул госпоже Коверци и произнёс:

– Я был так рад, что вы смогли принять участие в составе комиссии, что не мог не приехать.

– Мне было так любопытно поглядеть на вашего сына, что я не мог упустить такую возможность, – он усмехнулся. – До сих пор не могу вам простить, что вы не захотели писать у меня научную работу.

– Что поделать, – Корнери улыбнулся так тепло, как не улыбался никому из посторонних, – у меня другое призвание, которое отнимает много времени и сил. Но я до сих пор храню ваш учебник.

– Я польщён. – Господин Альци как будто помолодел на десять лет и, прищурившись, произнёс: – Вижу, не зря вам его дарил. Может, он ещё сослужит хорошую службу вашему сыну.

– Как знать, – Корнери перестал улыбаться, и его лицо снова стало непроницаемым. – Посмотрим, как сложится.

Корнери метнул на сына взгляд через раскрытую дверь. Альвери сильнее прижался к матери. Прокурор снова крепко пожал руку председателю комиссии и почтительно подержал руку госпожи Коверци. Альвери показалось, что отец торжествующе посмотрел на господина Мале, когда официально кивнул ему на прощание. Корнери вышел и закрыл за собой дверь.

Когда они сели в машину, Альвери робко спросил:

– Папа... Ты знаешь господина Альци?

Корнери буднично глянул на сына в зеркало заднего вида:

– Он преподавал у нас математику в вузе. Очень жалел, что я не захотел переводиться с юридического. С госпожой Коверци мы тоже много общались, пока я учился.

– Здорово, что они оказались в комиссии, – Альвери помял влажными пальцами серый шов брюк.

Корнери снисходительно усмехнулся. Вслух он ничего не сказал, но Альвери царапало изнутри ощущение, что успешная сдача экзамена сегодня – совсем не его заслуга. Он прижался к Вельне и постарался спрятаться в мыслях о том, как сможет играть с мамой целый вечер, – впервые за месяц.

Корнери предложил в ближайший выходной поехать на рыбалку, чтобы отпраздновать успешное окончание учебного года. Альвери при этих словах подпрыгнул от восторга.

Ранним утром мальчик надел простые синие брюки вместо форменных серых и белую рубашку с коротким рукавом. Он схватил на бегу бутерброд, выскочил на крыльцо, обнял провожающую его мать и запрыгнул в чёрную прокурорскую машину. Корнери, который встал раньше и успел как следует позавтракать, вышел следом в таких же синих брюках и рубашке, торопливо поцеловал жену, сел на водительское кресло и захлопнул дверцу. Машина тронулась навстречу занимающейся заре. Альвери подпевал мелодиям по радио, притопывал ногой и то и дело наклонялся вперёд, чтобы лучше видеть дорогу: пока он ездил сзади, этот интересный ракурс был ему недоступен. Корнери поглядывал на сына и улыбался одними глазами. Всё это его очень забавляло.

Очередная мелодия закончилась, и жизнерадостный диктор начал зачитывать утренние новости: «Сегодня вся страна отмечает день Колдовства и магии! Все желающие смогут увидеть выступление участников Союза колдунов на Главной площади. Его величество...» Корнери поморщился, словно ему брызнуло в глаза луковым соком, и выключил радио.

– Папа... – Альвери перестал вертеться по сторонам и посмотрел на отца. – А почему мы никогда не празднуем?

Корнери пожал плечами.

– Как по мне, этот праздник похож на балаган. Можешь дома посмотреть трансляцию, если хочешь. Но когда я вспоминаю, сколько жалоб поступает на всяких шарлатанов... – Он

скривился. – Даже если люди когда-то действительно умели колдовать, вряд ли сейчас на площади выступают настоящие маги.

Мальчик мечтательно протянул:

– Хотел бы я посмотреть, как люди летают или управляют водой и скалами...

– Альвери, люди давно уже летают, – Корнери рассмеялся, – на самолётах, вертолётах, воздушных шарах... И управляют водой, скалами и всем остальным с помощью инженерных систем.

Он хотел добавить что-то ещё, но вместо этого резко нажал на тормоз. Машина с лёгким толчком остановилась в нескольких сантиметрах от пожилой женщины. Волосы спускались до талии серебристыми волнами. Это могло бы выглядеть красиво, но женщина при этом странно жестикулировала и шевелила искривлёнными губами. Шумоизоляция не позволяла разобрать ни слова. Наконец старуха замолчала, плюнула на капот, развернулась и пошла прочь.

Корнери подождал, пока она отойдёт на безопасное расстояние, затем вышел из машины, чтобы спросить, не пострадала ли она. Но та исчезла, хотя только что была всего в нескольких метрах. Он осмотрел место происшествия. На капоте не было ни малейших признаков аварии. Следов от плевка почему-то тоже. Корнери почесал гладко выбритый подбородок и снова сел за руль. С пассажирского сиденья на него смотрел бледный от страха Альвери.

– Ну что ты? – Корнери похлопал его по плечу. – Всё обошлось. Женщина не пострадала, а у нас впереди отличный день. Ну?

Они въехали на мост, и голос Альвери прозвучал в тишине особенно громко:

– Папа, а мост не упадёт?

Корнери резко нажал на тормоз – но, поняв, что сын просто напуган, аккуратно тронулся вперёд.

– Это очень хороший мост. Ему ещё лет сто стоять.

– А вдруг старуха хотела нас о чём-то предупредить, – мальчик оглянулся назад, на пустую дорогу.

– Не бери в голову. Скорее всего, она просто привыкла, что здесь никто не ездит, и не смотрела по сторонам. А когда я затормозил, сильно испугалась... Видишь? Ничего не случилось.

Когда они добрались до места, солнце уже встало. Воздух дрожал от птичьих голосов. Корнери вышел из машины и вдохнул полной грудью. Альвери нерешительно высунулся из окна. Солнечный луч коснулся его щеки резвым бликом, который тут же задорно перепрыгнул на нос, а потом пощекотал глаза. Мальчик выпрыгнул из автомобиля.

– Альвери, помоги!

Корнери взял самую тяжёлую поклажу. Альвери в два прыжка оказался возле багажника, собрал всё, что осталось, и отнёс к берегу. Корнери подготовил лодку, дождался, пока сын расположится, затем оттолкнул её и запрыгнул сам. Два взмаха вёслами, и берег остался метрах в семи за бортом. Мужчина забросил приманку, положил удочку на колено и стал ждать. Альвери проделал то же самое, но вместо поплавок следил за маленькими яркими стрекозами, которые стремительно мелькали над водой.

Вдруг Корнери молча поднял руку, указывая на поплавок. Мальчик обернулся туда, где леска ныряла вверх-вниз вслед за красным шариком. Альвери вытащил удочку, но рыба ушла. Отец махнул рукой, но смотрел весело. Вскоре его поплавок тоже заплесал в воде, и он ловким движением вытащил рыбу. Альвери отвлёкся от стрекоз на свой поплавок, который обиженно замер. Поймав с дюжину блестящих переливающихся рыбин, Корнери спросил одними губами:

– А ты наживил?

Альвери хлопнул себя по лбу, быстро исправил свою оплошность и собрался закинуть удочку, но отец остановил его и указал на пятно пузырей в полутора метрах от прежнего места. Беззвучно прошептал: «Рыба проходит». Сын кивнул и забросил. Почти сразу удочка нахло-

нилась к воде. Леска натянулась так, что казалось, там кит, не меньше. Корнери поспешил на помощь. Забыв о своей привычной сдержанности, он крикнул:

– Тащи! Смелее!

Альвери, стараясь угодить отцу, больше мешал, чем помогал. Красавец-каarp мелькнул над поверхностью, но снова ушёл на глубину.

– Давай! Тяни!

– Я стараюсь!

Удилище натянулось так, будто готово лопнуть. Вдруг Альвери замер и вместо прежних неловких попыток потянул удочку, словно она была продолжением его руки. Блестящие бока рыбы заискрились в отчаянной пляске высоко над водой. Исполинский карп рухнул в лодку. Корнери оглушил рыбину веслом.

– Ловко! – Он одобрительно кивнул и добавил: – Не меньше пятнадцати килограммов.

Альвери провёл рукой по лбу. Мокрые волосы топорщились во все стороны и налипали упрямыми прядями. Он покраснел и не мог отдышаться. Блестящими глазами глядел то на отца, то на гигантского карпа. На губах сияла улыбка.

На берегу они перебрали улов. Отец показал Альвери, как чистить рыбу, и доверил ему карпа. Мальчик с непривычки возился так долго, что закончили они почти одновременно. Альвери старался смыть все чешуйки с рук, но ему это так и не удалось. Он оставил всё как есть и принялся гоняться за стрекозами. Корнери пошёл ставить уху.

Когда уха была готова, Корнери отправился искать сына. Он уже далеко ушёл от рыбацкого домика, когда среди ивовых ветвей показался деревянный мост, похожий на ажурную арку. Ветерок донёс до него запах сырого дерева. Корнери поёжился, вспоминая пугающие рассказы деда об этом мосту. Пока Корнери был ребёнком, дед не разрешал ему даже приближаться к нему, и когда Корнери увидел сына на выцветших досках, ему стало не по себе. Альвери не заметил его и увлечённо перемещается по доскам моста, как по клавишам огромного фортепиано. Звук первой был похож на протяжный крик аиста; вторая квакала низко, как большая жаба; третья ухала жалобно и коротко, как сова. Корнери громко окликнул его. Альвери резко поднял голову и, стараясь удержать равновесие на крутой арке моста, схватился за перила. Те заскрипели и обломились.

– Альвери!

В сознании Корнери отпечаталось бледное лицо сына с огромными глазами и искажённым ужасом ртом. Он пытался добежать до берега, но никак не мог, будто в кошмаре. Когда он примчался, мальчик уже скрылся под водой. В десяти метрах ниже моста на поверхность всплыл тёмный обломок перил. Корнери бросился туда и нырнул. Сына нигде не было видно, только внизу молочной пеленой клубился песок.

Корнери вынырнул и вдохнул как можно глубже. Снова погрузился. Воздух начал распирает и жечь лёгкие, но сына он так и не нашёл. Всплыл на поверхность, затем нырнул ещё раз. Река несла его вниз вместе с илистым потоком. Разглядеть что-то в этой взвеси было невозможно.

Вдруг по ноге что-то скользнуло. Зацепило руку. Провело по груди... В голове зазвучал воспоминанием голос деда: «В омуте под мостом живёт речной монстр. Длинными цепкими нитями он затягивает неосторожных купальщиков в свою гигантскую холодную пасть». Накатила волна животного ужаса. Он еле удержался, чтобы не броситься на поверхность, и твердил про себя: «Это водоросли! Просто водоросли!»

Кальмир, день Колдовства и магии, год 3759

Цветочница стояла посреди оранжереи в нежно-лиловом платье и шляпке в тон. Рабочие перчатки совсем не шли к этому изящному наряду. Она посмотрела на дверь. Слегка повернула руку и посмотрела на запястье с круглыми часами. Потом снова на вход. Дверь не шелохнулась. Она взяла тоненький фиолетовый саженец с пушистыми листочками и аккуратно воткнула в землю. Снова взгляд на дверь. Тонкой струйкой смочила землю вокруг ростка. Взгляд на дверь. Поставила лейку и прошла вдоль стеллажа с цветами. Обернулась с надеждой на дверь.

Взяла ещё один росток и поднесла к горшку. Снова бросила взгляд на часы, решительно положила росток обратно, сняла перчатки и направилась из оранжереи домой через внутренний вход.

Прошла мимо кабинета. Лысеющий мужчина в горчичном твидовом костюме и в полукруглых очках сидел за буковым столом и заполнял бумаги, едва не касаясь их длинным носом. Бросил женщине вдогонку, продолжая водить ручкой по бумаге:

– С тобой сходить?

Она остановилась в дверях и растерянно обернулась:

– Нет. Не думаю. Не знаю.

Он молча кивнул, не отрывая взгляда от бумаг. Она выскочила из комнаты, и вслед ей донеслось: «Если что, звони».

Цветочница прошла по улице мимо оранжереи и дёрнула дверь, но та оставалась запертой. Женщина вздохнула и двинулась дальше. Солнце заливало лимонным светом пёстрые тенты кафе и разноцветные дома. Улицу наводняли люди, и цветочница лавировала между ними, одновременно всматриваясь в лица в толпе. Всю дорогу её губы были напряжённо сжаты.

Цветочница прошла два квартала и остановилась возле тёмно-красного пятиэтажного дома с высокими потолками. После шумной улицы двор казался пустынным. Женщина вошла в подъезд и с лёгкостью гимнастки вбежала по ступенькам на пятый этаж, повернула направо и подошла к тёмно-серой двери. Переступила с ноги на ногу и прислонилась к косяку, словно пыталась почувствовать, есть кто в квартире или нет. Перевела дыхание и тихонько стукнула дважды: коротко, затем протяжно. Прислушалась и, убрав ухо от двери, достала из кармана ключ. Подрагивающей рукой вставила его в замочную скважину и повернула. Толкнула дверь, переступила порог и оказалась в тёмной прихожей. Возле двери стояла пара туфель, на вешалке одиноко висел чёрный камзол. Она закрыла за собой дверь и еле слышно окликнула:

– Реми?

В ответ тишина. Женщина постояла ещё, затем разулась с коротким ворчанием и направилась вглубь квартиры. Осторожно заглянула в комнату через приоткрытую дверь и тут же бросилась внутрь.

– Реми!

В неизменных рубашке и брюках он лежал на полу возле кровати, с которой стянул рукой покрывало так, что оно зияло чёрным перевёрнутым треугольником на фоне белой постели. Глаза колдуна были закрыты, правильные черты лица равнодушны, как у статуи, и почти так же бесцветны. Узоры на запястьях виднелись из расстёгнутого манжета и казались обугленными. Цветочница сняла лиловую перчатку и коснулась его груди. С облегчением выдохнула и положила ладонь ему на щеку. Снова окликнула по имени. Ни один мускул не дрогнул в его лице.

Она поднялась и отправилась на кухню. К небольшому белому столу вплотную были придвинуты два стула тёмного дерева с витой спинкой. Она взяла один из них, вернулась в комнату, поставила рядом с кроватью и села. На прикроватном столике зазвонил телефон, и она вздрогнула. Снова поглядела на Реми, словно раздумывая, брать трубку или нет. Раздался ещё один звонок. Она протянула руку и осторожно сняла трубку:

– Слушаю.

– Ну как, ты нашла его?

– Да.

– И как он?

– Пока сложно сказать. Он ещё не вернулся.

Из трубки донеслось сосредоточенное сопение и следом вопрос:

– Вам помогать или не мешать?

– Пока не знаю.

– Ладно, если что, звони.

Женщина положила трубку. Затем встала и прошла: вещей вокруг почти не было, и небольшая комната выглядела просторной. Каждая стена и потолок были украшены сложными узорами: к центру круга сходились изогнутые линии, переплетались, пересекались завитками и точками, нанесёнными чёрной краской. На светлом фоне темнели прикроватный столик, покрывало, одинокий стул, узкий высокий шкаф – и сам неподвижный хозяин комнаты.

Женщина подошла к окну и отодвинула занавеску. Двор был всё таким же пустынным. Только серая кошка далеко внизу перебежала с одной стороны улицы на другую и скрылась в тени дома. Женщина поглядела на ярко-розовую герань в простом чёрном горшке. Погладила ободок, расчерченный невидимыми узорами. У неё за спиной раздался еле различимый шорох, и она резко обернулась. Колдун потёр рукой глаза и застонал. Она бросилась к нему.

– Реми! Как ты? – Она коснулась его щеки и вздрогнула. – Ты весь горишь!

– Танита. Это ты?

– Да, это я. Как ты себя чувствуешь?

– Как будто меня закидали грудой горящих угольев и поленьев. Только вместо угольев и поленьев я сам. Нет-нет, не уходи! – Он поймал её руку.

– Я сейчас вернусь. Только принесу влажное полотенце, – она попыталась высвободиться, но безрезультатно.

– Нет, постой! Мне нужно рассказать тебе кое-что. Это очень важно!

– Хорошо... – вздохнула она, – я сижу здесь и слушаю.

Он выпустил руку, и Танита начала расстёгивать пуговицы на его рубашке. Он быстро проговорил:

– Мой вирахсу вдруг сам решил уйти.

Её руки на мгновение замерли возле самой нижней пуговицы, но она всё же расстегнула её и убрала ткань. Смуглая кожа, изрезанная мышцами, была похожа на ожившую кору, которая вздымалась от судорожных коротких вдохов. На правом боку изогнутые борозды мышц в нескольких местах пересекались тонкими линиями шрамов, похожих на фрагменты чьих-то инициалов, затянувшихся от времени и потому неразборчивых. Танита закончила с рубашкой и перешла к брюкам; от щиколоток до середины икр извивались такие же обугленные узоры, как на запястьях. Реми продолжал говорить:

– Я не думал, что такое возможно, но он как будто сделался снова целым на какое-то время. Понимаешь? – Он облизал пересохшие губы; в глубине угольных глаз горел лихорадочный огонь. – Правда, не совсем целым, как будто часть из амулета, которую я не чувствовал всё это время, притянула вирахсу, который остался у меня... Нет-нет, не уходи!

– Реми! Успокойся! Я сейчас вернусь. Просто принесу мокрые полотенца, пока твой вирахсу не сжёг тебя заживо после своего возвращения.

– Но это очень важно! Вдруг я потом совсем ничего не вспомню.

– Хорошо-хорошо! Конечно, это очень важно. Давай я сейчас пойду за полотенцем, а ты продолжишь рассказывать. Ванная всего в одном шаге от комнаты, и я услышу каждое твоё слово.

– Но...

– Каждое.

Он издал тяжелый вздох и отпустил её руку. Танита поспешила к двери и через три секунды крикнула:

– Реми, я внимательно слушаю!

– Я пытаюсь вспомнить!

Она вернулась, отняла от лица его руки и положила на лоб одно из полотенец, а вторым аккуратно промакивала глаза, скулы и шею.

– Ну как? Что там с твоим вирахсу?

– Не знаю, как объяснить. Это и так было больше похоже на смутные ощущения, а не воспоминания... а ты меня уже перебила, и теперь я не могу вспомнить!

– Ты рассказывал, как он покинул тебя и связался с той частью, что прежде была в амулете. А потом? С ним что-то случилось?

– Что-то ужасное... – Он закрыл глаза тыльной стороной ладони, но она подняла его кисть, продолжая промакивать лицо влажным полотенцем. – Что-то похуже того, когда тебя перебивают.

– Да неужели! – Танита снова коснулась его щеки и, цокнув языком проворчала: – Да что ж это за особенность у него такая, он тебя когда-нибудь так прикончит! Как ты?

– Как будто какой-нибудь куву прожевал меня и выплюнул! Ты когда-нибудь закончишь меня перебивать?

– Значит, та часть вирахсу, которая осталась в твоём амулете, приманила тебя, а потом попыталась скормить монстру, который спит уже триста лет, и он тебя прожевал?

– У тебя редкий дар переставлять чужие слова так, чтобы люди чувствовали себя совсем бездумными.

– Я серьёзно, кто-то из куву мог научиться за это время разбивать мощные охранительные заклатья...

– Ты специально пришла ко мне домой, чтобы издеваться надо мной, когда мне плохо! – Он со стоном повернулся на бок.

– Совсем нет. Зато я умею готовить зелье, которое помогает от чар куву.

– В самом деле? И что же тебе понадобится? – он отнял у Таниты полотенце и уткнулся в него лицом.

– Чай.

– Я никогда ничего не буду тебе больше рассказывать! – проворчал он сквозь полотенце.

– Все, кто пережил встречу с куву, так говорят.

– Уходи!

– Ладно, – она встала.

– И открой холодный кран, когда будешь идти мимо ванны. Иначе я сварюсь раньше, чем остыну.

Она вышла из комнаты. Он со стоном убрал полотенце от лица. С трудом сел и опустил голову на колено. Осторожно поднялся и, держась за стену, двинулся к двери.

Вскоре из ванной донёсся плеск воды впережку с неразборчивыми ругательствами. Танита подошла к двери и громко спросила:

– Реми, тебе помочь?

– Нет! Просто иди готовь свой специальный чай от монстров, зловедная ведьма!

Спустя пару минут она крикнула из кухни:

– Готово!

Из-за двери донёсся сердитый всплеск воды, ещё один горестный стон, и вскоре Реми бодро вошёл в кухню, кутаясь в льняной чёрный халат. Реми опустился на стул и поспешно обхватил белую фарфоровую чашку смуглыми кистями. Дохнул на дымящуюся поверхность и сделал глоток, но тут же оскалился в гримасе отвращения:

– Охранительные чары! Ты что, положила туда мятую?

– Да.

– Так ты в самом деле пришла надо мной издеваться? – Он со стуком поставил чашку на стол. – Вкус чая совсем потерялся.

– Зато это помогает.

– Почувствовать себя совсем несчастным.

– Когда допьёшь, перестанет звенеть в ушах.

Он собирался сделать ещё глоток, но рука с чашкой замерла на полпути к его губам.

– Как ты узнала про этот мерзкий писк?

– Когда куву задевает вирахсу, потом ещё долго звенит в ушах.

– Ладно... – он отставил чашку. – Если моя нелепая ассоциация с куву вдруг оказалась правдой, хоть это и совсем странно, если учесть, что для его пробуждения нужно не только долго читать сложные заклятия, но и снять чары с запирающего моста... Но так хотя бы понятно, почему вдруг мой вирахсу решил объединиться перед тем, как проклятие начало сбываться. Даже боюсь представить, чем там занимается эта девчонка.

– погоди! Что ты только что сказал?

– Что эта недоделанная ведьма наверняка творит там всякие непотребства...

– Нет, до этого!

– Что проклятие начало сбываться, – он поставил локти на стол и со стоном опустил голову на руки. – Я не успел.

– Ох... – она привалилась к столешнице.

Из приоткрытого окна раздавались приглушённые звуки с улицы, которая осталась далеко внизу. Невидимые шпильки простучали по плитке. Резко задребезжало разбившееся стекло, и следом визгливо выругался мужчина. Один за другим начали просыпаться женские голоса, зовущие детей ужинать.

Реми сделал глоток и поморщился. Танита спросила:

– Получается, теперь проклятие не снять?

Он поставил чашку и пожал плечами:

– Не думаю, что мне отдадут её как ни в чём не бывало. Скорее всего, они потеряли её, а смогу ли я найти её сам – не знаю. Она ведь так и не стала моей ученицей, а имени мне не назвали. Привычные заклинания поиска не помогут.

Он встал, но тяжело опёрся о стол. Сделал несколько коротких вдохов, медленно подошёл к окну, облокотился на подоконник и посмотрел наружу. Танита проводила его взглядом, взяла со стола его чашку, сделала глоток и скривилась.

– Да-а... мяты я многовато положила.

Он перевёл взгляд на неё, но она больше ничего не сказала. Он отвернулся обратно к окну, где на горизонте клубились величественные лимонные облака. Она тихо подошла к нему и провела рукой по спине:

– Хочешь, сделаю тебе обычного чаю?

– Было бы отлично, но мне сейчас так тошно, что я попытаюсь отравиться тем ужасом, который ты уже приготовила.

– Ну что ты... Тебе скоро станет легче. Зачем же умирать?

Он зажмурился и провёл рукой по лбу, убирая снова выступившие капли пота.

– Ты просто не видела, насколько отвратительным было то проклятие. И какой сделалась она теперь в обличье речной ведьмы, – он потёр глаза, словно пытаясь прогнать кошмар, и добавил еле слышно: – Она была так похожа на меня самого, пока я не потерял амулет.

– Ох, Реми... – она попыталась его обнять, но он остановил её руки.

– Пожалуй, лучше освежусь и лягу. Что-то мне нехорошо.

– Просто ты только что собирался отравиться. Наверное, твоё желание начало сбываться.

– Ну разумеется, как я мог забыть. Я же великий колдун. Могущественный и опасный. Срочно готовь мне противоядие, пока меня не прикончили собственные желания.

Он бросил ещё один взгляд на громаду облаков, которая теперь наливалась синим возле земли, обещаая дождь. Реми двинулся к двери, но на пороге обернулся:

– погоди, а ты успела пообедать до того, как пришла ко мне?

Она замерла над чайником и неохотно ответила:

– Нет, только позавтракала. Обед не успела приготовить.

– Значит, Орве тоже голодный? Тогда я лучше сам заварю, а ты... – он шагнул в кухню, но она протестующе замахала руками.

– Что ты, что ты! Орве уже большой мальчик. Он звонил, как только я пришла. Так что он точно меня не ждёт, и к этому моменту, скорее всего, не только пообедал, но и поужинал. А тебя я не могу бросить в таком состоянии. Ты ещё, чего доброго, начнёшь заваривать чай с мятой в ужасных пропорциях, чтобы сидеть и страдать.

– Лежать. Я собираюсь лежать. Готовой еды у меня нет, – но, если хочешь, можешь приготовить всё, что любишь.

– А ты хочешь что-нибудь?

– Нет. Только обычный чай вместо пыточного.

Он вышел из кухни, и вскоре из ванной раздался шум воды вперемежку с приглушёнными ругательствами. Танита поставила чайник на плиту, опустилась на стул и закрыла глаза, вытирая бегущие слёзы.

Реюмир, день Колдовства и магии, год 3759

Корнери нащупал ступнёй что-то более плотное, чем стебли. Резко нырнул из оставшихся сил, не веря в свою удачу: «Наконец-то!» Он потянул Альвери к себе, но тот застрял. Лёгкие ныли от затхлого воздуха, но Корнери понимал, что во второй раз вряд ли найдёт сына. Он пытался порвать водоросли, которые удерживали Альвери. Те врезались в руки, оставляя глубокие порезы. Он рвал зубами стебли, но те лопались ужасно медленно и неохотно.

Наконец тело мальчика подалось после очередного рывка. Корнери немеющими пальцами вцепился в сына. Запрокинув голову, смотрел, как рассеивается пелена песка и приближается сквозь толщу воды ярко-синее небо. В этой холодной воде казалось невероятным, что наверху обычный солнечный полдень. Река расступилась, и в лицо пахнул тёплый воздух. Мужчина жадно вдохнул и скрылся под водой. Затем снова поднял лицо и сделал ещё один вдох.

На берегу никого не было видно, и звать на помощь было бесполезно. Корнери отдышался, встал на одно колено и с трудом взвалил сына животом вниз поперёк своей ноги. Из рта и носа мальчика на песок хлынула мутная вода. Он снова положил сына на спину. Три нажатия, вдох. Три нажатия, вдох. Корнери хотелось закричать, чтобы всё это оказалось просто кошмаром. Но он не мог. Ему надо было дышать. И давить сыну на грудину. Снова дышать. И давить на грудину... Он потерял счёт времени, и просто машинально повторял движения, пока не услышал глухой хрип. По телу мальчика пробежала дрожь. Корнери замер. Смотрел, как сын неловко запрокинулся на бок, сотрясаясь от кашля. Всё казалось нереальным. Только когда Альвери тяжело вздохнул и посмотрел на отца, тот понял, что сын в самом деле жив.

– Папа, я... – его губы еле шевелились, и воздух выходил из лёгких почти беззвучно.

Корнери почувствовал, как тяжело и холодно от мокрой одежды, в которой он был всё это время. Как саднят порезы на руках, забитые песком, и ноет каждая мышца. Он хотел подбодрить сына, спросить, как он себя чувствует. Но где-то в горле застрял тот крик, которым он хотел прервать свой страшный сон. Поэтому неожиданно для себя он просто сжал мальчика в объятиях и разрыдался. Альвери сильнее прижался к его груди и стиснул отцовскую руку

в своих. Корнери почувствовал, как плечи сына резко дёрнулись от холода, потёр мокрые от слёз щёки и сказал:

– Идём скорее. Надо согреться.

Он медленно встал и помог Альвери подняться. Когда они добрались до рыбацкого домика, уже вечерело. Оба сняли мокрые вещи и завернулись в тёплые пледы из машины. Корнери налил в две миски густую ароматную уху из котелка. Затем вновь развёл костёр и поставил воду для чая.

– Папа, я ничего вкуснее в жизни не ел!

– На рыбалке всё кажется вкуснее. Особенно после такого заплыва.

Он с силой разломил сухую ветку и бросил в костёр. Посмотрел на сына, словно желая убедиться, что тот в самом деле жив и не исчезает как наваждение. Альвери опустил глаза. Ему показалось, что отец сердится, – но тот неожиданно произнёс:

– Жаль, я не сразу нырнул следом. Может, ты не успел бы запутаться...

– Эти водоросли в темноте были такие жуткие! – Альвери с радостью ухватился за возможность поговорить с отцом, который ни в чём его не обвинял. – Я думал, что хорошо плаваю и быстро вынырну. Но течение оказалось таким сильным!

– Да, там очень сложное течение. Любой бы на твоём месте испугался! – Корнери ободряюще улыбнулся. – К тому же такая плохая видимость. Я мог бы нырять весь день, но...

Корнери осёкся. Он привычно хлопнул себя по тому месту, где был нагрудный карман, но вспомнил, что сигареты теперь есть только в машине. Зашумел котелок. Корнери поспешно встал и налил душистый кипяток в две жестяные кружки. Затем направился к машине и выкурил две сигареты одну за другой. Достал было третью, но закашлялся. Отдышаться после сегодняшних ныряний было особенно тяжело, но он наконец смог глубоко вздохнуть, спрятал сигарету и вернулся к сыну. Тот с удовольствием пил из кружки:

– Этот чай такой ароматный!

– Я положил туда мяту и землянику. Мой дед научил меня этому рецепту. – Помолчав, Корнери прибавил: – А ещё он говорил, что дрова отдают огню мерцание звёзд и пение ветра, под которыми росли деревья, поэтому еда, приготовленная на костре, становится вкуснее...

Корнери усмехнулся и покачал головой. Альвери затаил дыхание и слушал с широко открытыми глазами: он ни за что бы не поверил, что отец может произнести что-то подобное, даже повторяя за кем-то. Словно в подтверждение его мыслей Корнери сказал:

– Он зачем-то постоянно морочил мне голову такими романтическими выдумками. Говорил, что я ещё маленький, а дети видят и чувствуют больше, чем взрослые. Мы с ним ездили на рыбалку, пока родители работали. Они всё время работали. Дед был единственным, кто со мной возился.

– Это твой дедушка научил тебя рыбачить? – Мальчик жадно ловил каждое слово.

– Да... К сожалению, когда его не стало, я был младше, чем ты теперь. Тайком от родителей я сам бегал на рыбалку. Но это было уже не то... Потом не стало родителей, и мне самому было уже не до рыбалки. Я много работал. И всегда очень радовался, что Вельна проводила с тобой достаточно времени, пока ты рос...

– Хорошо, что она не видела, как я упал, – Альвери поёжился. – Она бы, наверное, очень испугалась.

Корнери отхлебнул чай и задумчиво поглядел вдаль.

– Не будешь ей рассказывать?

Мальчик пожал плечами. Он не мог себе представить, как мама отреагирует на такой рассказ. Корнери переложил чашку в другую руку, а затем сжал и разжал пальцы освободившейся кисти.

– Ладно, я сам с ней поговорю.

Угли в костре уже подёрнулись слоем золы. Отец и сын в тишине допили чай, переоделись в сухую одежду и забрались в машину, чтобы ехать домой. Автомобиль нёсся по дороге в сгущающихся сумерках. Впереди показался мост через залив. Альвери внезапно прошиб озноб, а на мосту его охватила настоящая паника. Мальчику начало казаться, что вода поднимается и вот-вот смоев их вниз вместе с машиной. Альвери хотел посмотреть на отца, чтобы понять, видит ли он то же, – но не мог пошевелиться. Из оцепенения его вывел возглас:

– Сынок, ты в порядке? Как ты себя чувствуешь?

Держа руль одной рукой, Корнери дотронулся до лба сына. Тот был холодным и липким от испарины. Съехав с моста, мужчина остановил машину и потряс сына за плечо:

– Альвери! Ты меня слышишь?

Мальчик видел широко раскрытые глаза на побледневшем лице отца и чувствовал себя ужасно глупо. Машина только что проехала по совершенно сухому мосту. Альвери перевёл дыхание и прошептал:

– Мне показалось, что вода поднимается над мостом всё выше, а мы едем прямо на неё...

– Тебе бы отдохнуть как следует... Надеюсь, дома это всё пройдёт. Да и мама, наверное, заждалась. Поехали?

Он неуверенно улыбнулся, Альвери кивнул в ответ, и отец тронул машину с места. Через две минуты они были дома, и Вельна нетерпеливо заключила их в объятия. Перед сном Корнери думал, что хорошо бы рассказать жене о том, что произошло, – но слова не шли. Пока он собирался с мыслями, Вельна уже заснула. Он тихо вышел из комнаты, чтобы посмотреть, как дела у Альвери. Мальчик крепко спал. Ничто в нём не выдавало волнений сегодняшнего дня. Корнери тихо провёл рукой по волосам сына. Убедился, что у него нет ни малейших признаков простуды, и ушёл обратно.

«Вельне обязательно надо будет рассказать обо всём. Наверное, завтра. Или послезавтра. Или через пару дней. Может быть, Альвери сам ей расскажет, он ведь делится с ней всем на свете...»

От этих мыслей было тревожно и тяжело. Корнери чувствовал себя так, будто совершил преступление и хотел чистосердечно признаться. Но не мог.

Глава 4

Реюмир, следующее утро после дня Колдовства и магии, год 3759

Альвери перевернулся на другой бок, и в лицо ударил солнечный луч, выбивавшийся из-за тёмно-синей портьеры. Мальчик закрылся рукой, потёр глаза и попытался вздохнуть, но замер. Рёбра недовольно вытолкнули воздух и заныли как пару лет назад, когда он перелетел через руль велосипеда и со всего маху приложился грудью о бордюр. Доктор Тэгри тогда сказал, что Альвери чудом избежал перелома – лишь благодаря природной ловкости.

Воспоминания резко перескочили на события вчерашнего дня. Отец стоит над ним на коленях, прижимает его к груди, плачет... Альвери поёжился. Ему вдруг стало холодно. Не так, как бывает от соскользнувшего одеяла или резкого ветра. Он чувствовал себя прямо как вчера, когда руки и ноги онемели так, что стали словно чужими. Холод окутал его целиком. Забрался под пижаму, пошевелил волосы на затылке. Стиснул лёгкие, мешая вздохнуть.

Альвери почувствовал себя так, словно снова окружён водой, в которой что-то таится и не хочет его отпустить, несмотря на все старания отца. Он принялся разглядывать портьеры и солнечные блики на полу, чтобы проснуться окончательно и прогнать пугающее наваждение.

Внизу приятно пели клавиши. Альвери прислушался и узнал мотив – это была одна из его любимых мелодий. Воздух послушно вышел из груди. Мальчик следил за музыкой и дышал всё свободнее. Он с облегчением перевернулся на спину, потянулся и закрыл глаза. Внимательно вслушался в мелодию, и в голове вдруг пронеслось: «Отчего мама начала играть с середины?»

Альвери был совершенно уверен, что мама должна была играть с начала. Но сквозь сон он этого не заметил. И это было очень странно: Вельна иногда шутила, что самый верный способ разбудить Альвери – начать играть. Даже если он не выбегал тут же к ней, мог потом безошибочно перечислить всё, что она играла, вплоть до каждой импровизации.

«Может быть, она хотела так подшутить надо мной?» – Альвери сам в это не верил. Мама не стала бы начинать с середины даже в шутку.

Мальчик резко сел на постели, не дожидаясь, пока его опять окутает пронизывающий холод. Вдохнул полной грудью, игнорируя протесты рёбер. Убедился, что не чувствует ни головокружения, ни слабости и встал. Альвери почистил зубы, надел синий домашний костюм и спустился вниз. Вельна сидела за фортепиано. Она обернулась, увидела сына и кивнула с улыбкой:

– Ты уже проснулся, мой хороший! – Она качнула головой, приглашая Альвери присоединиться к ней.

Мальчик поторопился к инструменту, но почему-то все движения выходили ужасно медленными. Мама уже успела сыграть несколько переходов и обернулась к нему. Альвери аккуратно вступил со следующего такта, технично и точно аккомпанируя матери. Мгновенно подхватывал новые мелодии. Присоединялся к импровизациям. Он не сбился ни разу. И всё же Вельна в какой-то момент убрала руки с клавиш и напряжённо поглядела на сына:

– Ты какой-то грустный сегодня, – она коснулась его лба. – Перекупался вчера? Не заболел?

Он отрицательно покачал головой, словно смахивая её руку, и она медленно убрала её.

– Нет... – он как будто хотел добавить ещё что-то, но запнулся и замолчал.

– Может, хочешь сам поиграть?

Он посмотрел на клавиши из-под ресниц, словно избегая маминого взгляда. Коснулся пальцами двух белых и одной чёрной клавиши, но, так и не нажав, убрал руку. Молча покачал головой.

– Ну ладно, – она улыбнулась и взлохматила его кудри. – Пойдём тогда завтракать!

Они встали, и Вельна, обняв сына за плечи, повела его на кухню. В коридоре Альвери нерешительно протянул:

– Мама... – Он чувствовал на себе её взгляд, но старался не смотреть на неё. – А ты же играла семнадцатую сонату с самого начала?

– Конечно, мой милый, – она хихикнула так, словно он шутит, затем добавила растерянно и тихо. – А как же ещё?

Вельна остановилась возле кухонной двери. Сквозь витраж проходили солнечные лучи, расцветившая её светлое платье весёлыми бликами. На тёмной одежде Альвери они терялись, оставаясь практически невидимыми. Вельна продолжила:

– А до этого ещё сыграла третью и двенадцатую...

– Ну да, конечно, – он потёр ладони о боковые швы брюк, затем посмотрел ей в глаза и растянул губы в улыбке. – Я знаю.

Она шумно выдохнула и тоже улыбнулась. Толкнула дверь и яркие блики скакнули на стену, а затем и вовсе исчезли, притаившись в тени. Она шагнула в кухню и остановилась:

– Или шестнадцатую... – Она внимательно посмотрела на него. – Ты не помнишь?

Он пожал плечами и улыбнулся:

– Может, и шестнадцатую.

Альвери перевёл взгляд на чайник, который ставил на плиту, Вельна нахмурилась и хотела ещё что-то сказать, но он быстро спросил:

– А папа проснулся?

– Да, рано утром. Ему позвонили, и он срочно уехал по делам.

– О, – уголки его губ опустились.

– Не грусти. Он сказал, что это всего на пару часов.

Вельна достала из холодильника мармелад, зефир и конфеты, затем нарезала бутерброды и с улыбкой придвинула всё это к сыну. Альвери просиял и начал уплетать вкусности за обе щеки, не дожидаясь чая. Мать посмотрела на него, и сосредоточенная складка между её бровей разгладилась. Остаток завтрака она смотрела на Альвери с молчаливой нежностью.

Раздался громкий и настойчивый звонок в дверь. Альвери вздрогнул, а затем вскочил и весело крикнул:

– Папа!

Мягкая задумчивая улыбка на лице Вельны сменилась извиняющейся:

– Должно быть, это маэстро пришёл...

– Маэстро? – Альвери замер, уголки его губ опустились.

– Ну да. Ты же сдал экзамен. – Она оставила посуду, которую начала убирать со стола и шагнула к сыну. – Я попросила вчера папу, чтобы он не мучил тебя больше этим затянувшимся перерывом в занятиях. Он так легко согласился... Я подумала, что маэстро и сам будет рад возобновить ваши уроки, и позвонила ему сегодня утром, не дожидаясь буднего дня. Ты не рад?

В дверь снова позвонили; Вельна встrepенулась и поспешила в прихожую. Альвери сунул руки в карманы и, опустив плечи, побрёл следом. Из прихожей летели оживлённые голоса. Мальчик услышал маэстро и остановился. Затем вынул руки, выпрямился и, натянув улыбку, вышел в прихожую.

– Альвери! Здравствуй! – Маэстро добродушно усмехнулся. – Надеюсь, ты сдал всё, что надо было?

– Да, – он вышел из полумрака коридора на солнечный свет, падающий из окна.

– Ну и хорошо, – маэстро задержался на Альвери взглядом и добавил, не то утверждая, не то размышляя: – Значит, нас ничего не будет отвлекать.

Они вошли в зал. Маэстро Фарвальце сам сел за инструмент, и Альвери почему-то почувствовал облегчение. Но вместо того, чтобы начать играть, учитель повернулся к нему и сказал:

– В прошлый раз я так и не смог взглянуть на твою запись. Зато сейчас сможем разобрать её подробно. Далеко она у тебя?

Альвери вздрогнул; в животе как будто неприятно лопнул большой горячий пузырь. Мальчик только теперь вспомнил, что так и не успел написать импровизацию до конца из-за дурацкого экзамена. Но признаваться в этом насмешливо-снисходительному маэстро совершенно не хотелось. Поэтому, глядя в дальний угол зала, Альвери неуверенно произнёс:

– Ну я... положил её куда-то.

– Положил куда-то...

Фарвальце нетерпеливо побарабанил пальцами по крышке фортепиано, но сделал над собой усилие и сказал с натянутой улыбкой:

– Ну я подожду. Ступай, поищи, – он с азартом потёр руки. – Там было несколько моментов, которые мы обязательно должны разобрать!

Маэстро зажмурился и, казалось, совершенно забыл об ученике. Альвери вздохнул и потопал в свою комнату. Когда он поднялся на первую ступеньку лестницы, услышал, как учитель начал еле слышно наигрывать ту самую мелодию.

Альвери старался не прислушиваться, но всё равно его шаги попадали в такт. Его это почему-то раздражало. Как и то, что маэстро играл то, что раньше забраковал.

Альвери зашёл к себе и поплотнее закрыл дверь. Быстрым движением выудил нотную тетрадь из стопки и открыл. Он не помнил точно, сколько ему ещё осталось дописывать, и с облегчением выдохнул: «Фух, всего страница! Управляюсь за несколько минут». Альвери поднёс карандаш к бумаге, глядя на последнюю строку. Прочитал её несколько раз. В его памяти она упрямо обрывалась в том самом месте, где и на бумаге. Воздух выпрыгнул из груди, а карандаш мелко задрожал в пальцах. Альвери жадно вдохнул несколько раз и снова перечитал мелодию. Это не помогало: нужные ноты упрямо не хотели вернуться в его голову и встать на подходящие места.

Он представил себе, как учитель снисходительно улыбается, повторяя, то, что сказал в прошлый раз: «Записывать импровизации по памяти – большой труд. Особенно в твоём возрасте».

«Ну конечно! Всё дело именно в возрасте!» – Альвери захлопнул тетрадь и бросил её в ящик стола. Ему не хотелось спускаться вниз, но в голове крутилось осознание: «Пока мама дома, отсиживаться в комнате – плохая стратегия. Она рано или поздно узнает, почему учитель скучает внизу, и поднимется, чтобы выяснить, в чём дело. Ещё захочет помочь и начнёт тоже искать тетрадь...» Альвери почувствовал себя так глупо, будто его уже разоблачили.

Альвери снова достал партитуру и сжал листы, собираясь разорвать их. Но замер. Маэстро внизу продолжал играть его мелодию. Альвери бросился к двери и распахнул её пошире. Затем кинулся к столу и снова открыл тетрадь. Он затаил дыхание и прислушался сквозь гул сердца. Больше всего он боялся теперь, что Фарвальце надоест мелодия, и он перестанет играть. Но учитель продолжал. Альвери напряг слух, капельки пота выступили над губой. Когда учитель начал играть не выписанный отрывок, Альвери подпрыгнул, словно его тряхнуло током. Он быстро строчил ноты вслед за учителем, и они ложились на бумагу кривыми кружочками и дрожащими палочками. Он не верил до этого момента, что способен украсть мелодию у учителя, но просто прийти с пустой тетрадью и признаться, что забыл мелодию, казалось ему худшим вариантом. Даже если учитель откажется от него за эту выходку. У Альвери перехватило дыхание, когда маэстро сделал переход, который сам мальчик играл иначе. Но рука продолжала отчаянно записывать, словно привязанная к бумаге. Фарвальце изменил ещё несколько мест. Альвери это точно знал, хотя и не помнил, как он сам чувствовал музыку в тот раз.

Конец мелодии, упал как чашка со стола вслед за потянутой скатертью. Альвери вздрогнул от разлившейся тишины и понял, что время вышло.

Он перечитал, что получилось. Снова взгляделся в те места, которые маэстро сыграл иначе. Надо было как-то их изменить, но на ум ничего не приходило. Альвери поёжился от стыда и хотел было спрятать тетрадь и соврать, что не нашёл её, но внизу тихо и нетерпеливо хлопнула крышка фортепиано, словно подгоняя его. Альвери холодными руками стёр несколько нот и сместил их. Какие-то выше, какие-то ниже. Перечитал и поморщился. Даже сквозь бумагу он слышал диссонанс. Он точно сочинил не так – но понимал, что если просто показать учителю переписанный за ним отрывок, маэстро будет в бешенстве и не простит этот обман. Альвери снова пробежал глазами мелодию, и ему показалось, что она стала не просто чужой. Она словно противоречила самой его сути. Снизу раздалось сухое покашливание и затем глубокий вздох. Альвери захлопнул тетрадь и побежал вниз.

Фарвальце прохаживался по комнате, заложив руки за спину. Он встрепнулся, когда ученик спрыгнул с последней ступеньки лестницы, прижимая к себе нотную тетрадь.

– Ну наконец-то! – Маэстро шагнул навстречу Альвери и протянул руку к партитуре.

Мальчик неохотно отнял тетрадь от живота и протянул учителю. Тот вцепился в партитуру и открыл её. Начал читать и несколько раз удовлетворённо кивнул. Добрался до того места, которое Альвери выписал сегодня, и нахмурился. Внутри у мальчика всё похолодело. Фарвальце задумчиво почесал кончик носа красным карандашом, затем коснулся ноты, с которой Альвери начал дописывать, и испытующе поглядел на ученика:

– Что это?

Альвери покраснел и захотел стать невидимым. Он еле выдавил из себя:

– Си первой октавы.

Фарвальце положил партитуру на фортепиано и, сцепив руки на груди, прошёлся по комнате. Остановился возле инструмента, снова взял партитуру и поглядел на ученика:

– И когда же ты её выписал? – Красный карандаш впился в бумагу.

Альвери опустил глаза. Маэстро выжидательно молчал, и у Альвери начало противно звенеть в ушах от повисшей тишины. Не в силах выносить её больше, он пролепетал:

– После того, как поговорил с отцом.

Учитель отбросил партитуру на инструмент так, будто это была протухшая еда. Альвери проводил её взглядом. То место, куда прежде указывал карандаш, пестрело алым. Маэстро глубоко вздохнул:

– Очень любопытно, – он снова заходил по комнате. – В прошлый раз ты сделал совсем другие ошибки. И я показал тебе, как их можно исправить. Иначе.

Уши Альвери начали гореть. Маэстро замолчал и остановился. Мальчик поймал на себе его взгляд. Прежде он даже не представлял, что учитель может глядеть так тяжело. Наконец Фарвальце спросил:

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Альвери хотел, но ему было так стыдно, что он молча покачал головой. Маэстро продолжил:

– Я много думал над твоей последней импровизацией, пока мы не виделись. И нашёл решение, которое показалось мне удачным. Оно имеет мало общего с твоим тогдашним исполнением, – Альвери показалось, что выплывшие глаза учителя пытаются пробить в нём дыру. – Но каким-то чудесным образом оно подозрительно смахивает на те ноты, что ты выписал сейчас.

Альвери показалось, что время остановилось, и он застрял здесь навсегда. Маэстро снова спросил:

– Так что? Ты по-прежнему ничего не хочешь мне сказать?

Альвери выдавил из себя:

– Я тоже думал над своей импровизацией.

Словно издалека раздался шорох бумаги. Альвери поднял глаза и увидел, как учитель поставил тетрадь на пюпитр.

– В самом деле? Ну в таком случае садись. Покажи, до чего додумался! Даже интересно послушать, как после стольких лет обучения ты решил наплевать на всё, чему я тебя учил.

Внутри у Альвери всё съёжилось. От насмешливости в голосе учителя не осталось и следа. И впервые в жизни мальчик жалел об этом.

Воздух в комнате стал холодным и вязким. Альвери медленно двинулся к инструменту. Он словно застревал в этом холоде, который пронизывал его не только снаружи, но и изнутри, прямо как утром. Не дожидаясь, пока ученик сядет за фортепиано, маэстро отвернулся к окну.

Альвери примостился на стуле и положил пальцы на клавиши. Сзади хрустнули инеем слова маэстро:

– Играй с самого начала.

Альвери вступил, напряжённо всматриваясь в ноты. Непослушные руки с трудом попадали по клавишам. Несмотря на озноб, на лбу от напряжения выступили капли пота. Альвери играл строку за строкой и с ужасом думал о том, что скоро начнётся фрагмент, который он не успел выписать. Мальчику становилось всё холоднее. Казалось, звуки стали какими-то тягучими и неповоротливыми. И всё же он неумолимо приближался к тому отрывку, который он украл у маэстро, при этом безобразно испортив.

Осталось десять тактов. Девять. Восемь... Он почти перестал чувствовать клавиши под ледяными пальцами. Шесть. Пять... Звуки замерзали в его памяти. Два. Один...

Сверху навалилась темнота.

– Альвери!

Он открыл глаза. Над ним склонилось лицо маэстро, который всматривался в него холодными серыми глазами:

– Ты слышишь меня? Ты плохо себя чувствуешь?

Неожиданно мягкая тёплая рука коснулась его лба. К голосу учителя добавился испуганный мамин:

– Утром он был совершенно здоров, маэстро. Температуры вроде нет.

Взгляд Фарвальце снова сделался жёстким. Альвери захотелось спрятаться. Он повернул голову и увидел широко распахнутые глаза матери. Маэстро поднялся, и вскоре из глубины комнаты донёсся его удаляющийся голос:

– Что ж, думаю, мне лучше зайти в другой раз. Если только сам молодой человек не хочет продолжить сегодня...

Альвери вздрогнул: это безликое обращение словно превращало его в пустое место. Мама выжидающе посмотрела на Альвери, но он молчал. Она уточнила:

– Ты как? Не хочешь?

Он молча покачал головой. Вельна сказала маэстро, стоявшему в дверях:

– Думаю, вам лучше действительно прийти в другой раз.

Она погладила Альвери по голове. Он осторожно сел. Вельна посмотрела на сына, словно хотела что-то спросить, но из прихожей донеслось сухое покашливание. Вельна провела рукой по спине сына и пошла провожать маэстро. До Альвери донеслись обрывки еле слышных фраз: «может быть, просто устал», «я не приду, пока он сам не попросит».

Когда Вельна вернулась, Альвери невольно отвёл взгляд. Она подошла к сыну и опустилась рядом:

– Альвери... Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

Она вглядывалась в него.

– Может быть, позвонить доктору Тэгри?

Он встрепенулся:

– Нет, лучше не надо.

– Ты уверен? У тебя ничего не болит?

– Нет, я в порядке...

Вельна снова поправила его непослушные кудри и словно невзначай коснулась лба. Со вздохом улыбнулась ему и прижала к себе.

– Наверное, ты так устал и переволновался с этим экзаменом...

– Да! Очень, – он высвободился из её объятий и встал. – Лучше пойду поиграю в мяч.

Она неохотно отпустила его и тоже поднялась, изучая его лицо.

– Ну, если ты достаточно хорошо себя чувствуешь...

– Да, мне уже совсем хорошо!

Он выбежал из комнаты. Вельна подошла к фортепиано. Провела кончиками пальцев по клавишам, словно собиралась сыграть, – но вместо этого аккуратно опустила крышку.

Кальмир, вечер того же дня

Колдун открыл глаза и обвёл затуманенным взглядом красноватый потолок, часто вспыхивающий голубыми отблесками зарниц. На прикроватном столике за прямоугольными стёклами лампы трепетал крошечный оранжевый огонёк, заставляя танцевать каждую тень. Танита провела рукой по смуглой горячей щеке и спросила:

– Реми, ты меня слышишь? Как ты?

– Словно всё падаю, и падаю, и падаю снова в ущелье Урати. Я ещё не достиг самого дна, но у меня уже всё болит, – далёкий раскат грома вклинился в его слова, вырывая из груди протяжный стон.

– Просто дождь начинается. Я сделала тебе лекарство... – она потянулась к столу.

– Нет! – Она замерла и посмотрела на него, он со стоном добавил: – Не надо. Так я наверняка начну видеть вместо ущелья главные Ворота. А я не хочу сейчас их видеть. Бродить как неприкаянный возле их бесчисленных створок и витков, чтобы найти ответ, который тебя бы успокоил, но которого там просто нет.

– Реми... – она снова погладила его щёку, – так ты проверял?

– Я пробовал много раз, пытаюсь найти имя подходящего вирахсу, но их больше нет здесь. Не хотел тебе говорить, чтобы не расстраивать, но всё равно проболтался. Всё, что мне остаётся теперь, – лишь снова падать в ущелье.

Она опустила руку в таз, стоявший на прикроватном столике возле лампы, и ухватила одно из полотенец, которое пузырилось в прохладной воде, как большая белая медуза. Танита отжала его и обтёрла Реми, а потом заменила компрессы.

– Давай я буду держать тебя, – она взяла его ладонь в свою.

– М?

– Если я буду сидеть рядом и держать тебя за руку, ты не упадёшь.

– Разве?

– Ты не знал?

– Нет. Жаль, когда я падал в первый раз, тебя не было рядом. Тогда ни проклятья, ни поломки Ворот, ни недостающего вирахсу – ничего этого не было бы.

Танита горько вздохнула и сказала:

– Вот, выпей.

– Что это?

– Лекарство, которое перенесёт тебя к Воротам и спрячет от дождя, – она подняла его голову и поднесла чашку к губам.

– Нет, – он отвернулся, – я не хочу больше искать имя вирахсу на створках Ворот. Я и без того слишком устал.

– Пей-пей, – она аккуратно, но настойчиво влила всё зелье до последней капли. – И не ищи его больше. Может, нужное имя придёт само когда-нибудь.

Танита положила его голову на подушку и поставила опустевшую чашку на прикроватный столик. Сердитый раскат грома задребезжал стёклами; по окну забарабанили капли. Танита взяла неподвижную смуглую кисть в свои руки, прислонилась виском к витой спинке стула и закрыла глаза, вслушиваясь в мерное глубокое дыхание, еле различимое в порывах ветра и шуме дождя.

Глава 5

Реюмир, начало лета 3763 года

Альвери остановился возле массивной двери тёмного дерева, на которой красовалась позолоченная табличка «Отдел кадров». Он оглянулся, как будто ждал чьего-то одобрения. Но вокруг были только бежевые стены и глянцевый пол из чёрного гранита, которые смотрелись совсем не ободряюще. Юноша снова повернулся к двери и постучал. Никто не ответил. Альвери сверил комплект документов со списком и, убедившись, что всё правильно, постучал дважды – уже громче. Ответа не было, и он осторожно повернул вспотевшей ладонью ручку и заглянул внутрь. Пышная женщина с густым рыжим хвостом и в красном платье с глубоким декольте глянула было недовольно на приоткрывшуюся дверь, но при виде Альвери широко улыбнулась:

– Ого, какой славный парнишка! Заходи!

Он шагнул в кабинет и поздоровался. Женщина с любопытством оглядела его тёмно-синий костюм, накрахмаленную рубашку и галстук. Спросила:

– Ты на стажировку?

Альвери кивнул.

– Давай сюда свои бумаги.

Альвери было не по себе от такого пристального внимания. Он подошёл к столу, избегая смотреть на женщину, и протянул документы. Она быстрыми движениями разложила бумаги по стопкам, но всё это время Альвери чувствовал, что она не отрывает взгляда от его лица. С некоторых бумаг она сняла копии и тоже разложила. Бросила покровительственно:

– Да ты садись.

Он обернулся на закрытую дверь и опустился на стул возле её стола.

– Наверное, только школу окончил?

Альвери беспомощно оглядывал просторный кабинет. Стеллажи с бумагами. Два массивных тёмных стола, погребённых под документами. Он пожалел, что за ними никого нет. Казалось, будь тут ещё хоть кто-то, она вела бы себя более официально. Он выдавил:

– Ну да.

– Почти взрослый уже, – она хитро улыбнулась. – Знаешь, у меня дочь примерно твоего возраста...

Альвери посмотрел на бежевую стену так усердно, как будто старался разглядеть что-то сквозь неё.

– Кофе будешь? А то все на обед разошлись, а я вот за старшую осталась, – она жалобно вздохнула.

– Кхм... Мне бы бумаги...

– Не терпится стать юристом, да? Не переживай, будут тебе бумаги, вот только взбодрюсь.

Она развернулась всем корпусом и деловито щёлкнула кнопкой электрического чайника, который стоял у неё за спиной. Тот сразу зашумел. Она достала две тонкие фарфоровые чашки с изящными розами. Впечатление портил коричневый налёт внутри, обычный для чашек, из которых часто пьют, но не очень тщательно моют. Она насыпала гранулы в обе и залила кипятком. Одну придвинула к себе, вторую поставила перед Альвери.

– Так, теперь бумаги...

Она уставилась в документы – и ее глаза удивленно распахнулись. Дверь за спиной Альвери бесшумно открылась, и на пороге появился Корнери. Его взгляд скользнул по сыну и жен-

щине. Задержался на чашках и сделался жёстким, как гранитная плитка. Но голос прокурора звучал совершенно бесстрастно, когда он спросил:

– Не оформился ещё?

Женщина подняла документы перед лицом, словно заслоняясь, немного подровняла края. Проворковала:

– Всего одну минуточку, – и добавила с едва заметным ударением, – господин Олорце.

Она что-то быстро вбила в компьютер, сделала пометки и вернула часть бумаг Альвери. Тот поспешно схватил их, вежливо кивнул и, не притронувшись к дымящейся чашке, прошмыгнул в коридор мимо отца. Корнери вышел и с громким шелчком закрыл дверь.

Шаги лакированных ботинок гулко отражались от стен. Через широкий коридор то и дело сновали туда-сюда сотрудники обоих полов и всех возрастов. Корнери молчал. С ними все здоровались, иногда бросая вслед любопытные взгляды. Прокурор равнодушно шёл вперёд, словно не замечая внимания. Альвери, наоборот, хотел провалиться сквозь тёмную плитку под этим всеобщим любопытством. Они поднялись по широкой гранитной лестнице на третий этаж и снова пошли по коридору – почти такому же, как на первом этаже, только с паркетом вместо плитки. Здесь на них никто не смотрел. Здоровались, глядя в бумаги, которые были в руках у каждого встреченного. Альвери посмотрел на отца; но тот, погружённый в свои мысли, не замечал этого. Корнери равнодушно проплыл мимо тяжёлой металлической двери с табличкой «Главный королевский обвинитель» и вошёл в следующий кабинет; дверь была распахнута, и Альвери не мог видеть, что написано на табличке и есть ли она вообще. Юноше показалось на мгновение, что он снова попал в школу: здесь свободно помещалось около пятнадцати столов, а между ними сновали туда-сюда совсем молодые люди, в том числе его ровесники. Правда, на каждом столе возвышались горы бумаг, а все вокруг были по-взрослому серьёзными, чего в школе никогда не было. Только один стол возле стены оставался свободным.

Работа не собиралась останавливаться даже при виде главного королевского обвинителя. Сотрудники только расступались, когда он проходил мимо них. Корнери остановился рядом со столом, за которым перебирал бумаги смуглый мужчина. Тонкие подвижные черты лица совсем не шли к массивному корпусу: он выглядел как игрушечный пупс, которому из озорства приделали голову куклы. Корнери произнёс:

– У меня для вас помощник, господин Мевёрце.

По лицу Мевёрце пробежала рябь досады, которая тут же оформилась в подобие вежливой улыбки, и он ответил:

– Очень рад, господин прокурор.

Корнери кивнул и скрылся за дверью. Мевёрце указал Альвери на свободный стол и передал часть бумаг. До самого вечера Альвери копировал и печатал документы. Он сам не заметил, как перетаскал к себе почти половину увесистых папок господина Мевёрце. Теперь стол Альвери мало чем отличался от остальных в комнате.

К концу рабочего дня кабинет начал пустеть. Первыми испарились все стажёры, и людей стало в два раза меньше. Только костюм Альвери одиноко синел на фоне чёрных форменных сюртуков секретарей. Один за другим они тоже собирались и уходили. Альвери ловил на себе выжидающие взгляды Мевёрце, но продолжал сосредоточенно разбирать бумаги. Секретарь шумно вздыхал, как будто надеялся сдуть помощника.

Наконец в кабинете остались они двое и блёклая женщина неопределённого возраста в толстых очках. На фоне чёрного сюртука её полупрозрачная кожа казалась совсем тусклой. Альвери подумал, что если бы все секретари не разошлись, он бы даже её не заметил. В кабинет заглянул Корнери. Мевёрце захлопнул папку, которую только открыл, и выразительно посмотрел на своего помощника. Альвери тут же перестал стучать по клавишам и поднялся из-за компьютера. Прокурор неожиданно обратился к женщине, которая продолжала увлечённо печатать:

– Госпожа Лавóри, время...

Она повернула толстые очки в сторону двери, как будто удивилась, что здесь есть выход. Прошелестела сухими тонкими губами: «Да-да, сейчас». Меверце уже проскользнул в коридор мимо Корнери. Альвери подошёл к отцу. Тот убедился, что госпожа Лавори отвлеклась от документов, и направился к лестнице.

Корнери подошёл к машине, облокотился о её глянцевого чёрный бок и закурил. Альвери сел на переднее сиденье и откинулся на спинку кресла. Наконец Корнери тоже сел в машину, захлопнул дверцу и флегматично произнёс:

– Её дочь на два года старше тебя.

Женщину из отдела кадров уже снесло из памяти Альвери лавиной документов, и после этих слов он вздрогнул. Корнери звёл мотор и продолжал.

– Стажируется здесь, в бухгалтерии. Тебе туда, к счастью, не нужно. Но на всякий случай не общайся ни с кем из стажёров. Понял? – Альвери кивнул. – О делах, не связанных с работой, не говори ни с кем из конторы. Обо мне – тем более. Не обсуждай никого ни с кем.

– Хорошо.

Альвери нервно потёр руки о синие швы брюк. Корнери равнодушно следил за дорогой и больше не говорил о работе. Однообразный асфальт плыл перед глазами Альвери, как нескончаемый поток бумаг.

Реюмир, день Колдовства и магии, год 3763

Вельна выскочила из своей белой машины и побежала к кофейне, в высокие окна которой стучал летний ливень. На пороге она застыла, зажмурилась и с наслаждением вдохнула аромат. Затем принялась внимательно осматривать вместительный зал с круглыми столиками, пока за одним из них не увидела маэстро. Он глядел прямо на неё из дальнего конца зала. Уголки губ Вельны приподнялись сами собой, и она двинулась к нему.

– Маэстро!

Господин Фарвальце отодвинул полупустую чашку и, слегка приподнявшись, кивнул Вельне:

– Добрый вечер. Мы с вами так давно не виделись. По правде сказать, я удивлён...

Он поёрзал в кресле. Вельна опустилась напротив в такое же бежевое кресло с округлой спинкой, и уголки её губ при этом поползли вниз.

– Мне очень надо поговорить с вами, – она хрустнула костяшками пальцев.

– О чём же?

Вельна тихо ответила:

– Об Альвери...

Маэстро нахмурился и постучал по краю стола так, словно старался наиграть мелодию на невидимых клавишах. Он посмотрел на ливень за окном и произнёс:

– По правде сказать, все эти четыре года я думал, что больше не услышу о нём... Но эта встреча – приятный сюрприз.

Вельна увидела в глазах маэстро жадное любопытство и начала воодушевлённо:

– Я бы не решилась вас беспокоить, но это очень важно. Муж меня не хочет слушать, – маэстро при упоминании прокурора язвительно усмехнулся; Вельна замаялась. – Да и сам Альвери, по правде сказать, тоже... Но мне кажется, он совершает ужасную ошибку!

– В самом деле? – Маэстро заметно удивился, но Вельна продолжала, ничего не заметив.

– Да! Он хочет поступать на юриста.

– Что ж, при таком отце это не удивительно...

– Нет, маэстро! Я уверена, что это неправильно. Он стал гораздо усидчивее за последние годы, да и сообразительности ему никогда было не занимать, он мог бы стать успешным на этом поприще, но... – Она провела рукой по краю стола, словно стирая невидимое пятно. – Он не выглядит счастливым. Понимаете? Я имею в виду... Он всегда с такой радостью бежал играть! Я очень хорошо это помню. Я не могла ошибиться или перепутать! И вдруг всё закончилось. Как будто он и не хотел никогда играть. Муж делает вид, что так и надо, а я не могу! Понимаете? Мне кажется иногда, что я схожу с ума! Он даже со мной перестал играть. Садился иногда после того злополучного экзамена, но как будто из вежливости. Да и это за несколько месяцев окончательно прошло. Но ведь он не мог притворяться, что ему нравится музыка, пока был маленьким! Дети – они же такие искренние! У них на лице всегда всё написано. А тут... Муж говорит, это оттого, что он нуждался в моём внимании, пока рос. Но этого не может быть! Ведь не может? – Она наконец замолчала и посмотрела на маэстро, ища поддержки.

– Ну... – Маэстро старательно избегал её взгляда. Он потёр одну сухую морщинистую руку другой и сказал: – Сложно сказать наверняка. Честно вам скажу, я не знаток детей...

– Но ведь у него так хорошо получалось! Вы сами говорили, мой сын талантлив! – Она добавила – тихо и неуверенно: – Не могли же мы оба ошибаться?

– Ну что вы, Вельна... – Он вздохнул и неловко похлопал её по руке, которая лежала на столе. – Он, конечно, может и любил играть... – Губы Вельны дрогнули. Маэстро быстро исправился: – То есть я хотел сказать... он безусловно любил играть, у него даже получалось. И хорошо. Но послушайте... ведь сейчас, как вы сами сказали, это не вызывает у него такого восторга? Я правильно понял?

Вельна убрала руку со стола, покачала головой и тихо сказала:

– Он совсем не играет больше. Я надеялась, что, может, если бы вы поговорили с ним...

– Я... – Маэстро сосредоточенно изучал узоры дождя на стекле, словно в них были подходящие слова. – Знаете, он ведь никогда ко мне особо не прислушивался. Даже когда был моим учеником. По правде сказать, не уверен, что в этом будет какой-то толк... Вот если бы он продолжил играть. Ну или сам захотел бы поговорить со мной. А так, я боюсь, он даже слушать не станет. Тем более если он так усердно готовится стать юристом, как вы говорите...

– Что ж... – Вельна попыталась изобразить улыбку, но её губы расползлись как рот ребёнка, который вот-вот заплачет. – Значит, вы не хотите мне помочь?

Она встала из-за стола. Маэстро отвернулся от окна и словно опомнился.

– Я бы и рад! Но поймите меня правильно! Я даже не представляю, что я могу ему сказать! Заверить его, что он талантлив? Отговорить его поступать? Тем более на юриста... – При этих словах он сжался, будто кто-то невидимый за плечом Вельны погрозил ему. – Но вдруг я только всё испорчу! Может, именно юриспруденция – его призвание. Мы же не можем знать наверняка. Тем более он сам уже отказался от музыки. Это не могло случиться просто так. Те, кто чувствуют внутренний зов, не могут от него отказаться легко и без последствий.

Вельна посматривала на дверь во время этой тирады, но на последних словах прислушалась и переспросила:

– Без последствий? – Она села обратно и внимательно посмотрела на маэстро. Тот издал неловкое покашливание, похожее на нервный смешок.

– Ну, я имею в виду, что если бы он до сих пор испытывал именно... внутреннюю потребность к музыке, это точно не прошло бы незамеченным. Обязательно вырывалось бы иногда наружу. Например, вы же сами не можете долгое время обходиться без музыки, верно? Для нас с вами это не прихоть, это нечто сродни глубокой непреодолимой нужде. Создать видимость такой потребности при желании как раз можно, а вот наоборот...

– Я поняла, – Вельна снова поднялась. – Спасибо, маэстро. Извините, что отняла у вас время.

– Ну что вы, я был рад...

Вельна печально улыбнулась и кивнула на прощание. Маэстро поглядел на свою остывшую чашку, разочарованно поджал губы и поднялся следом. Дождь за окнами шумно плясал по тротуарам, машинам и зонтам. Маэстро схватил сложенную газету, лежавшую на одном из столиков возле двери. Он шагнул на улицу, прикрывшись бумагой как зонтиком, и торопливо двинулся к ближайшей арке. Вельна проводила его взглядом и побежала к своей машине.

Возле дома Вельна вышла из машины и бросилась к крыльцу. Капли дождя трепетали вокруг, создавая какую-то причудливую многомерную мелодию. Женщина застыла на крыльце, положив холодные влажные пальцы на дверную ручку и наслаждаясь тем, как дождь поёт вокруг. Темп и рисунок мелодии то и дело менялись. Дождь то усиливался, напоминая весёлый бодрый марш, то ослабевал. Вельна вздрогнула. Она отчётливо вспомнила, как Альвери много лет назад играл отчаянно грустную мелодию. Теперь эта музыка чудилась ей в шуме дождя. Женщина почувствовала, как по телу побежали мурашки, и торопливо вошла в прихожую. На лестнице тут же раздались лёгкие шаги, и сбежавший по ступеням Альвери заключил её в объятия.

– Мама! – он поцеловал её в щёку. – Ты не промокла?

– Может только совсем чуть-чуть, – она улыбнулась. – Вы сегодня рано вернулись.

– Да, сегодня в честь праздника сокращённый день.

– О, я и забыла...

Он разомкнул объятия. Она скользнула взглядом по его лицу – спокойному и теперь почти такому же бесстрастному, как у отца, – и отпустила его. Он спросил:

– Поставить чайник?

– Было бы очень мило с твоей стороны, – она приподняла уголки губ, хотя бирюзовые глаза смотрели печально.

Он развернулся, и она погладила его по спине. Они вошли в кухню, и Вельна спросила, как будто невзначай:

– А где отец?

Он бросил через плечо, не оборачиваясь от чайника:

– Разбирает какие-то бумаги у себя в кабинете. Он почти сразу туда отправился, как пришёл.

Альвери поставил чайник на огонь и сел за стол напротив. Вельна молчала, подбирая слова. Шум закипающего чайника вплетался в еле уловимый шорох капель за окном. Наконец Вельна наклонилась к сыну, собираясь что-то сказать, но тут Альвери постучал большим пальцем по столу и спросил:

– А ты уже читала про маэстро?

– Про маэстро? – Вельна вздрогнула. – А что с ним?

Не вставая со стула, он протянул руку к подоконнику и взял газету. Затем поднял её так, чтобы мать могла увидеть заголовок на первой полосе, и произнёс:

– Здесь пишут, что Тэури Фарвальце стал распорядителем музыки при дворе короля. – Нерешительно добавил: – Это ведь хорошо?

– Вот это да! – Вельна схватила газету и сказала: – Конечно, хорошо, мой милый!

Альвери встал и заварил чай. Вельна читала статью. Альвери поставил перед ней чашку и спросил:

– А что делает распорядитель?

– Ну... Он сочиняет музыку для королевских торжеств, помогает организовывать празднества... Вообще у него много разных обязанностей, связанных с музыкой. Но и привилегий тоже немало...

Альвери кивнул. Это был первый раз за последние годы, когда они разговаривали о музыке. Вельна придвинулась к нему и собиралась рассказать о встрече с маэстро, но тут в коридоре раздались шаги, и в кухню вошёл Корнери. Он внимательно поглядел на жену и сына, головы которых склонились друг к другу над столом, молча бросил пакетик чая в чашку, залил водой и сел за стол. Вельна выпрямилась и спросила:

– Как дела на работе?

Он оторвался от чашки и задумался, словно прикидывая что-то в уме. Скользнул взглядом по Альвери и произнёс:

– Да всё как обычно. Но скоро будет полегче, я надеюсь.

Между её песочных бровей мелькнула еле заметная складка. Она подняла подбородок, губы дрогнули, – но она ничего не сказала.

Глава 6

Реюмир, середина лета 3764 года

Альвери вошёл в прихожую и бесшумно закрыл за собой витражную дверь. Навстречу ему выбежала Вельна в простом светлом платье. Он отпустил серую дорожную сумку, поймал мать в объятия, легко покружил и опустил обратно на паркет. Она рассмеялась:

– Ты как будто ещё вырос, мой милый!

– Ну конечно, вырос! Меня же не было целых четыре месяца.

Альвери наклонился и поцеловал мать в щёку. Нырнул тонкими пальцами цвета слоновой кости в нагрудный карман серой куртки, выудил блестящий значок и положил в её ладонь.

– Что это?

Вельна повертела в руках изящный позолоченный щит, на котором красовалось три звезды.

– Теперь такие значки дают тем, кто с отличием сдал все нормативы.

– О...

– Они гарантируют некоторые привилегии на военной службе, но заниматься этим дальше у меня нет никакого желания, – он усмехнулся. – Лучше спрячь куда-нибудь: я очень надеюсь, что он мне больше никогда не понадобится.

Вельна украдкой потёрла уголки глаз и мягко сжала значок в ладони. Он снова поднял дорожную сумку и двинулся к лестнице, крикнув на ходу:

– Отец ещё не дома?

– Нет... – Помедлив, она добавила: – Он задерживается допоздна уже пару месяцев.

Альвери остановился и обернулся.

– Ты имеешь в виду, что он задерживается ещё больше чем обычно?

Она кивнула. Он постучал по перилам, подняв глаза к верхним ступеням, словно обдумывал, что ещё спросить, но в итоге просто отправился к себе.

Вечером Корнери одобрительно похлопал по плечу сына, вернувшегося с военной подготовки, но на расспросы о делах уклончиво ответил, что всё как обычно.

На следующее утро Альвери показалось, что Меверце хмурится ещё более выразительно, а говорит ещё меньше, чем раньше. Папок на столе секретаря скопилось столько, будто без Альвери работа вообще не двигалась. Открыв одну из них, он действительно увидел несколько старых дел – словно они ждали его возвращения. Впрочем, почти во всех остальных папках бумаги были новые. Когда он взялся за одну из них, Меверце вдруг резко дёрнулся вперёд и захлопнул папку прямо перед его носом. Под удивлённым взглядом Альвери он пояснил: «Это в архив». Юноша подумал, что прежде Меверце не защищал его так решительно от бессмысленной работы. Он вспомнил, как однажды две недели готовил копии документов по одному делу по просьбе Меверце, а в итоге оказалось, что дело было закрыто ещё месяц назад. Сейчас Альвери просто коротко кивнул и взялся за другую папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.